

МОЛОДЫЕ

В БИБЛИОТЕЧНОМ ДЕЛЕ

№ 8 (август) 2008

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Учредитель

Татьяна Сергеевна Макаренко

Главный редактор

Татьяна Сергеевна Макаренко

Над номером работали:

Т.С. Макаренко (г. Москва),

Литературный редактор:

Е.Ю. Макаренко

Дизайн-верстка:

Е.С. Рыжова

Тел редакции

(495) 626-86-11

Тел./факс (495) 626-42-76

E-mail: mbr1@yandex.ru

Почтовый адрес для писем:

121 354 Москва, а/я 25

«Молодые в библиотечном деле»

Номер сверстан и подготовлен к печати

ООО «Издательский дом «Один из лучших»

Генеральный директор

С.А. Пичуричкин

Главный редактор

А.С. Щербаков

Тел. (495) 626-86-11, (495) 626-42-76

www.nashsait.com

125 047, Москва а/я 20

ООО «Издательский дом «Один из лучших»

ДЕЛА СЕКЦИОННЫЕ

3 СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

4 Т.С. Макаренко Приоритеты молодёжной кадровой политики в библиотечной сфере

14 М.П. Захаренко Региональное библиотечное законодательство и профессиональная мотивация молодых библиотечных специалистов

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

По-разному зарождаются супружеские отношения (интервью Т.С. Макаренко, главного редактора журнала «Молодые в библиотечном деле» с Б.Н. Бачалдиным, одним из выдающихся деятелей библиотечного дела России советского периода)

Главы из книги Б.Н. Бачалдина «Фрагменты памяти»:

30 «Сюзанна»

39 «Смешались дела семейные, служебные, общественные»

47 «Завязь служебного романа»

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-13425 от 26 августа 2002 г.

Выдано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Редакция осуществляет свою деятельность в рамках Закона РФ о СМИ и прочих нормативных актов, регулирующих соответствующий правовой аспект.

Редакция не несет ответственности за информацию, содержащуюся в рекламных материалах. Присланные фотографии и письменные материалы не возвращаются.

При перепечатке любых материалов ссылка на «Молодые в библиотечном деле» обязательна.

**Отпечатано ООО «Издательский дом
«Один из лучших»**

Заказ 08011804

Тираж 1050 экз.

Номер подписан к печати

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

■ ДЕЛА СЕКЦИОННЫЕ

**Материалы заседания секции Российской библиотечной ассоциации «Молодые в библиотечном деле»
18-22 мая 2008 года, г. Ульяновск**

■ ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

С Владимиром Константиновичем Ключевым, заведующим кафедрой управления информационно-библиотечной деятельностью, профессором Московского государственного университета культуры и искусств в связи с тридцатилетием его творческой деятельности.

ДЕЛА СЕКЦИОННЫЕ

СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

20 мая 2007 г. состоялось совместное заседание семи секций Российской библиотечной ассоциации: секции «Молодые в библиотечном деле» (27), секции библиотечной профессии, кадров и непрерывного образования (09/10), секции центральных библиотек субъектов Российской Федерации (01/17), секции библиотек высших учебных заведений (04), секции публичных библиотек (14), секции научно-исследовательской работы (31), секции юношеских библиотек (33).

Вторым вопросом совместного заседания семи секций РБА стало обсуждение актуальной на сегодняшний момент темы «Молодежная кадровая политика в библиотечной сфере». Раскрытию подходов к разработке этой сложной и значимой на сегодняшний момент проблемы был посвящен доклад «Приоритеты молодежной кадровой политики в библиотечной сфере» Т.С. Макаренко, председателя секции РБА «Молодые в библиотечном деле», руководителя Информационно-консалтингового центра «Библиотечная карьера» РГЮБ, главного редактора журнала «Молодые в библиотечном деле». Региональный аспект кадрового законодательства, рассмотрев его через призму профессиональной мотивации молодых библиотечных специалистов, раскрыла М.П. Захаренко, член Постоянного комитета секции РБА «Молодые в библиотечном деле», заместитель директора Российской государственной юношеской библиотеки. Вопросу подготовки специалистов в области библиотечно-информационной деятельности с учетом Болонского процесса был посвящен доклад А.М. Мазурицкого, председателя Учебно-методического Совета в области библиотечно-информационной деятельности Учебно-методического объединения вузов России, заведующего кафедрой библиотековедения Московского государственного университета культуры и искусств. Эти доклады позволили многоаспектно раскрыть подходы к разработке кадровой молодежной политике в библиотечной сфере.

Выступающие отметили с одной стороны актуальность обсуждаемого предмета с другой стороны его сложность. **Участники совместного заседания, обсудив целесообразность и необходимость разработки Концепции государственной молодежной кадровой политики в библиотечной сфере как основного звена кадровой библиотечной политики в целом, приняли решение о создании рабочей группы по подготовке документа из представителей секций, принявших участие в обсуждении данной проблемы.**

Предлагаем читателям журнала познакомиться с двумя докладами и высказать свое мнение. Ваши предложения и рекомендации будут рассмотрены на заседаниях рабочей группы по подготовке документа.

ПРИОРИТЕТЫ МОЛОДЕЖНОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В БИБЛИОТЕЧНОЙ СФЕРЕ

Татьяна Сергеевна МАКАРЕНКО,
 председатель секции РБА «Молодые в библиотечном деле»,
 руководитель Информационно-консалтингового центра
 «Библиотечная карьера» РГЮБ,
 главный редактор журнала «Молодые в библиотечном деле»,
 кандидат педагогических наук
 (г. Москва)

Библиотеки традиционно являются одними из звеньев культурной, образовательной и информационной структуры государства. Сегодня библиотека все больше становится *структурой, развивающей инновационный потенциал страны*, основа которого — человеческий ресурс — наши читатели. Однако формировать инновационно мыслящего читателя смогут только креативно мыслящие специалисты библиотек, с новаторскими подходами к развитию библиотечно-информационной сферы на витке информатизации общества.

В последнее время громко заговорили о кадровой ситуации в стране, в разных отраслях. Достаточно отчетливо обозначенная инновационная функция библиотеки прямо коснулась её кадрового состава. Осознание этого управленцами всех уровней должно повлечь развитие молодежной кадровой политики и стратегии управления персоналом в библиотечной сфере. Ведь именно молодежь должна стать движущей силой развития отрасли, особенно на современном этапе, когда в деятельность библиотечных учреждений приходят новые информационные и инновационные методики и технологии.

Во многих материалах, посвященных кадровой ситуации, и в частности, проблемам молодых в библиотечном деле, встречаются в тех или иных вариантах хорошо известные аксиоматичные фразы, такие как: «Молодежь — будущее страны, а библиотечная молодежь — будущее библиотек», а что стоит за ней? Следующий постулат: «Именно сегодня молодые ученые и специалисты берут на себя миссию активного продвижения библиотек в мировое информационное пространство. Выполнение этой задачи требует от библиотечной молодежи активности и новаторства. Креативное мышление должно стать частью их профессионального мышления». Мы тоже не избежали этих фраз.

То есть, несмотря на недостаточное материально-техническое обеспечение библиотек и библиотечных специалистов, усложненные условия ка-

рьерного роста, дальнейшего образования и другие неблагоприятные моменты современной действительности, молодёжь ДОЛЖНА. А коль она ДОЛЖНА, она БЕРЕТ на себя задачи развития общества, развития библиотек, решения которых ТРЕБУЮТ от них активности, новаторства, креативности. Лишь простой перечень дел молодых библиотекарей в регионах говорит об этом:

— участие в построении демократического общества (проведение предвыборных экспресс-опросов, работа с молодыми избирателями);

— реализация федеральной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ» (военно-патриотические эстафеты поколений, Декады молодого патриота, литературные эстафеты);

— разработка проектов регионального и межрегионального уровней с целью реализации «Национальной программы поддержки и развития чтения».

Нет ни одного направления библиотечной деятельности, в которое не внесли бы свой творческий вклад молодые библиотекари, но есть направления, к которым они работают более активно и заинтересовано, а значит - результативно:

— внедрение новых технологий;

— различные аспекты толерантности;

— работа с людьми ограниченными в жизнедеятельности;

— правовое просвещение;

— имидж библиотеки.

Этот перечень можно продолжать! Разработки по этим направлениям говорят не только о профессиональных знаниях молодых библиотекарей, но и об их социальной зрелости.

Итак, библиотекари БЕРУТ на себя профессиональные и социальные обязательства, а какие обязательства БЕРЁТ на себя общество, государство перед молодыми библиотекарями, что делает, чтобы им было легче «брать на себя миссию активного продвижения библиотек в мировое информационное пространство»?

К сожалению, на сегодняшний момент мы даже не можем ответить на вопрос: «Сколько молодых в библиотечном деле России? Каков наш кадровый резерв?». При существующих статистических показателях выявить общее количество молодых специалистов в отрасли невозможно. Единственный показатель, который хоть как-то определял эту категорию «стаж до 3-х лет», в настоящее время не введен. Необходимо отметить, что регионы, принимая решение начать целенаправленную работу с молодыми специалистами, проводили кадровые исследования, например, в Тверской, Омской, Пермской, Сахалинской областях и ряде других. Однако их материалы не позволяют дать сопоставительный анализ, можно лишь обозначить некоторые общие характеристики.

Для развития кадрового потенциала отрасли необходимо разработать

концепцию кадровой молодежной политики. Понятно, что молодежная кадровая политика в библиотечной сфере — составная часть кадровой политики отрасли. Естественно, что рассматриваться они должны в совокупности.

Заявлять категорично, что кадровой политики в отрасли не существует, неправомерно. Да, формирование кадровых ресурсов отрасли не было приоритетным направлением последних 15 лет. Однако ЭЛЕМЕНТЫ кадровой политики присутствуют в законодательных и регламентирующих документах на всех уровнях власти:

- федеральном;
- региональном (республиканском, краевом, областном, муниципальном);
- внутриорганизационном.

Я остановлюсь лишь на анализе отраслевых (библиотечных) документов федерального значения. Анализу региональных законодательных документов будет посвящено выступление М.П. Захаренко.

В ФЗ «О библиотечном деле» от 29.12.1994 в Статье 26. «Трудовые отношения работников библиотек» СКАЗАНО: «Трудовые отношения работников библиотек регулируется законодательством Российской Федерации о труде».

Одним из Основных направлений и приоритетов государственной политики развития библиотечного дела в Российской Федерации 2006–2010 гг. провозглашено «8. Создание условий для развития кадров отрасли», в том числе «Формирование комплекса мер по привлечению в библиотеки молодых специалистов и закреплению их на местах.

В проекте Концепции развития библиотечного дела в Российской Федерации до 2015 г. сказано: «Для достижения стратегических целей по эффективному развитию библиотечного дела в Российской Федерации жизненно важно решить следующие задачи: ...обеспечение библиотек квалифицированным персоналом», для чего необходимо «предусмотреть систему мер для привлечения в профессию молодых специалистов и закреплению их в библиотеках».

Как мы видим, попытки хоть как-то закрепить элементы молодежной кадровой политики делаются.

В настоящее время на различных уровнях идет активное обсуждение «Концепции развития библиотечного дела в Российской Федерации до 2015 года». Так, 24 января 2008 г. прошло ее обсуждение на заседании Общественного комитета содействия развитию библиотек, возглавляемом председателем Государственной Думы Б.В. Грызловым. Перспективы кадровых ресурсов отрасли, т.е. тех, кому предстоит реализовывать эту Концепцию, описываются двумя сценариями:

вариант ОПТИМИСТИЧНЫЙ (Михаил Ефимович Швыдкой):

«Мы сегодня все сосредоточены на инструментах: на компьютеризации, на электронных методах оцифровки книг и т.д. Но важно понять, что

будет идти по этим каналам связи, что будут читать люди. Это одна из главных проблем, на которую я хотел бы обратить ваше внимание. У НАС **ВЫСОЧАЙШИЙ КЛАСС БИБЛИОТЕЧНЫХ РАБОТНИКОВ, ОНИ ВСЕ ЭТО СМОГУТ РЕШИТЬ».**

вариант **ПЕССИМИСТИЧЕСКИЙ** (Владимир Николаевич Зайцев):

«Самая актуальная проблема, на мой взгляд, — **ЭТО ПРОБЛЕМА БИБЛИОТЕЧНЫХ КАДРОВ.** За последние 12 лет в 15 раз сократилось количество подготовленных специалистов, и в результате система оплаты труда, которая сейчас существует, у нас в библиотеке работает около половины сотрудников в пенсионном возрасте. Подготовка кадров ведется недостаточно, да и те специалисты, которые завершают свое образование, не идут работать в библиотеки. Поэтому, **ЕСЛИ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ НЕ БУДУТ ПРИНЯТЫ КАКИЕ-ТО КАРДИНАЛЬНЫЕ МЕРЫ, СКОРО В БИБЛИОТЕКАХ РАБОТАТЬ БУДЕТ НЕКОМУ».**

Эти два мнения характеризуют парадоксальность сложившейся ситуации, которая заключается в том, что эти два варианта не противоречат друг другу. Да, у нас действительно высококлассные специалисты, но фактом является и то, что большинство из них — пенсионного возраста. Кому они будут передавать свои знания? Поэтому так необходимо создание отдельной целостной **КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ** как **ОСНОВНОГО ЗВЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В БИБЛИОТЕЧНОЙ СФЕРЕ.**

Эта Концепция будет строиться не на пустом месте. Молодежное библиотечное движение как явление профессиональной общественной жизни страны — реальность. На это ушло 15 лет системной и кропотливой работы, с момента, когда в 1993 г. Библиотечный благотворительный фонд объявил свои программы.

Програма «Молодые в библиотечном деле», родившись, как частная инициатива общественной организации, приобрела форму государственно-частного партнерства. Мероприятия программы стали относительно регулярно получать финансирование в рамках **Федеральной целевой программы «Культура России».** Даже небольшая, но регулярная организационная и финансовая поддержка со стороны Министерства культуры РФ, а затем и **Федерального агентства по культуре и кинематографии** имела мультиплицирующий эффект: органы управления культуры субъектов Российской Федерации, региональные библиотеки и спонсоры стали активнее поддерживать это начинание. Ярким тому примером может служить проведение II Форума молодых библиотекарей России в г. Омске в сентябре 2007 г. Он прошел при ощутимой финансовой поддержке Министерства культуры Омской области и Управления культуры г. Омска.

С мая 2008 г. в Российской государственной юношеской библиотеке начал формироваться Информационно-консалтинговый и образователь-

ный центр «Библиотечная карьера» — аналитико-образовательная и развивающая структура. Центр будет способствовать формированию библиотечаря новой формации, библиотечаря третьего тысячелетия. В его содержательную основу лягут новаторские разработки библиотек, раскрывающие то или иное направление персонал-стратегии, кадровой политики.

Подробно развитие программы «Молодые в библиотечном деле» и оформление ее в Молодежное библиотечное движение было представлено в № 44 «Информационного бюллетеня РБА» и публикациях журнала «Молодые в библиотечном деле». Здесь же схематично обозначим составляющие программы.

Я представила систему профессиональной и социальной поддержки молодых в библиотечном деле, которую удалось сформировать за 15 лет ра-

боты общественным организациям: Библиотечному благотворительному фонду, секции РБА, Клубу директоров юношеских библиотек Сибири при поддержке Министерства культуры РФ, затем и Федерального агентства по культуре и кинематографии, а так же администраций регионов, библиотек, и конечно при активном участии Советов молодых специалистов. Раскрытием уже созданных и будущих элементов системы я попыталась показать, что документ, будь то концепция или основные направления государственной молодежной политики, ляжет на уже подготовленную почву.

Мне представляется, что именно этой инициативой — официальной разработкой документа, раскрывающего молодежную кадровую политику в библиотечной сфере — завершится начальный этап молодежного библиотечного движения, который можно условно назвать «СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩИХ — ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ».

Следующий этап должен быть посвящен разработке и реализации *именно Государственной кадровой политики отрасли*, т.е. стратегии формирования, развития и рационального использования трудового потенциала отрасли, которая предполагает:

- наличие законодательного или регламентирующего документа;
- механизма его реализации;
- системы контроля исполнения.

При формировании молодежной кадровой политики в библиотечной сфере необходимо учитывать три составляющие:

- государственную политику развития библиотечного дела в Российской Федерации;
- государственную кадровую политику;
- государственную молодежную политику (направлена на молодежь как возрастную категорию граждан России от 14 до 30).

Информация для размышления

Предлагаю для обсуждения некоторые концептуальные подходы к молодежной кадровой политике в библиотечной сфере.

1. ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В КОНЦЕПЦИИ

Основополагающие понятия:

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА — общегосударственная стратегия формирования, развития и рационального использования трудового потенциала страны.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА В РФ — совместные действия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и мест-

ного самоуправления, объединений работодателей и профсоюзов, направленные на обеспечение:

- заработной платы, соответствующей затратам интеллектуального и физического труда работников [библиотек], а также поддержка ее на достойном уровне;
- комфортных условий труда и отдыха, соответствующих санитарным нормам;
- благоприятных условий для самореализации в профессиональной сфере и осуществления стимулирующих мер в делах социально-экономического развития [молодых специалистов библиотеки];
- системы повышения профессиональной квалификации и развития персонала [библиотек];
- нормальных жилищно-бытовых условий;
- пакета социальных гарантий.

МОЛОДЕЖНАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В БИБЛИОТЕЧНОЙ СФЕРЕ — стратегия формирования, развития и рационального использования трудового потенциала молодых в библиотечной отрасли.

МОЛОДЫЕ В БИБЛИОТЕЧНОМ ДЕЛЕ — понятие сформировалось в конце 90-х и отражает возрастную категорию. В настоящее время мы обозначаем её возрастом от 18 до 36 лет со стажем работы от 1 года до 18 лет — большой, сложный и важный период социального и профессионального взросления специалиста.

МОЛОДОЙ СПЕЦИАЛИСТ — социально-экономическая категория, к которой относятся выпускники высших учебных заведений со стажем работы от 1 года до 3 лет.

2. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Стратегическая цель — формирование и сохранения молодежного кадрового ресурса библиотечной отрасли.

Цель документа — разработка и реализация системы профессиональной и социальной поддержки молодых в библиотечном деле, которая выразится в комплексе мер по:

- развитию способностей и талантов у молодых специалистов, работающих в библиотеках;
- инициированию стремления к непрерывному совершенствованию интеллекта через реализацию собственных потребностей, умений и навыков, а также через умение приобретать и систематизировать знания;
- воспитанию и самовоспитанию личности.

Для достижения цели кадровой молодежной политики в библиотечной сфере необходимо решить следующие **основные задачи**:

- восстановление категории «молодой специалист», придание ей социально-экономического статуса;
- разработка механизма рационального использования и стимули-

рования профессионального и творческого потенциала молодых в библиотечном деле;

- обеспечение:

- социальной защиты молодых специалистов,
- помощи в трудоустройстве по профессии,
- достойной оплаты труда и поддержки в период временной нетрудоспособности (болезни),
- реализации прав на получение качественной профессиональной подготовки, в том числе усиление профориентационной работы;

- вовлечение молодых в библиотечном деле через общественные профессиональные объединения (Советы молодых специалистов, секции «Молодые в библиотечном деле» региональных ассоциаций и др. объединения) в процесс развития и реализации Концепции.

3. ПРИОРИТЕТНЫМИ ПРИНЦИПАМИ

наряду с другими должны стать:

- дифференциация;
- консолидация;
- самоопределение.

а) *Дифференциация*. На начальном этапе работы с молодыми мы проводили мероприятия для специалистов в возрасте до 36 лет без какой-либо дифференциации. Это был период привлечения и объединения специалистов. В настоящее время в молодежное библиотечное движение пришли молодые специалисты разных возрастов, профессий, статусов. К категории «МОЛОДЫЕ В БИБЛИОТЕЧНОМ ДЕЛЕ» относятся и:

- молодые специалисты по направлениям библиотечной деятельности (библиотекари, психологи, программисты, электронщики, экономисты, дизайнеры и т.д.);
- молодые управленцы;
- молодые ученые и аспиранты;
- студенты.

Для каждой из этих групп необходимо выработать свои приоритеты развития. Надо отметить, что отдельные мероприятия, например, «Семинар для молодого библиографа» или «Школа молодого управленца», ранее уже проводились. Как нам представляется, в наступающий период к этому направлению необходимо отнестись с большим вниманием, разработав для каждой из этих групп систему поддержки с учетом их особенностей.

В тоже время и молодой управленец, и студент должны понимать и ощущать себя причастными к единому целому, чувствовать себя в отрасли, в БИБЛИОТЕЧНОМ ДЕЛЕ.

Это явление должно активно развиваться, в первую очередь, в тех регионах, где имеются профильные учебные заведения. Библиотечное сту-

денчество — совершенно не охваченная вниманием часть молодых в библиотечном деле, а ведь, придя на библиотечный факультет, молодые люди сделали попытку приблизить себя именно к этой профессии, именно к этой отрасли науки, и наша задача — создать условия, чтобы сохранить этих будущих специалистов в отрасли. На это будет направлена подпрограмма «БИБЛИОТЕЧНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО».

б) **Консолидация** должна проходить не только внутри библиотечного сообщества, молодые должны выходить и в другие сферы, ища там единомышленников. Библиотечная молодежь ряда регионов это делает активно и результативно, но большинству этим приемам необходимо учиться. На это будет направлена подпрограмма «МОЛОДЫЕ - МОЛОДЫМ».

в) **Самоопределение и самоорганизация.** Важнейшее из грядущих изменений — переход к самоорганизации общества. Наше молодежное библиотечное движение с целой сетью общественных профессиональных структур молодых специалистов — результат именно самоорганизации. И это в дальнейшем будет активно развиваться, будут совершенствоваться формы и методы, налаживаться партнерские отношения со структурами других отраслей.

4. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

4.1. Совершенствование законодательства в библиотечной сфере в части профессиональной и социальной поддержки молодых специалистов, а также совершенствования нормативной базы.

При разработке *особо обратить внимание* на:

- реинтеграцию законодательных актов кадровой и молодежной сферы в законодательную систему библиотечного дела;
- разработку «Положения о молодых специалистах библиотечной отрасли».

4.2. Разработка системы мер по поднятию престижа БИБЛИОТЕЧНЫХ ПРОФЕССИЙ.

При разработке особо обратить внимание на совершенствование PR-компаний общероссийского и регионального уровней (возможные мероприятия: Общероссийский (региональные) конкурс «БИБЛИОТЕКАРЬ ГОДА» и Конкурса «ЛУЧШИЙ РЕПОРТАЖ О БИБЛИОТЕЧНЫХ ПРОФЕССИЯХ» совместно с региональными и общероссийскими СМИ).

4.3. Создание целостной системы непрерывного образования специалистов библиотечной сферы, начиная с выбора библиотечных профессий и дальнейшего поддержания знаний, умений на уровне мировых стандартов. Задача системы — не только адаптировать молодых специалистов к настоящей, но предвосхитить их профессиональное будущее.

При разработке особо обратить внимание на:

- развитие профориентационной работы, раскрывающей весь

спектр библиотечных профессий, а также возможностей творческого развития молодого человека в библиотечно-информационной сфере как специалиста и как личности;

- разработку системы социального заказа учебным заведениям **не только** отрасли культуры, **но и** других отраслей (экономической, юридической, психологической и др.) на:

- подготовку специалистов, необходимых для функционирования (жизнедеятельности) библиотеки;

- проведение исследований, направленных на совершенствование деятельности библиотек;

- разработку форм и методов участия студентов библиотечных факультетов в деятельности профессионального сообщества (производственная практика, начиная с 1 курса возможность непосредственной работы в библиотеке, как за вознаграждение, так и безвозмездно (волонтерство));

- разработку механизма получения молодыми работниками библиотек, имеющими высшее не библиотечное образование, второго (профильного) высшего образования на льготных условиях, а также получения библиотечными работниками второго высшего не библиотечного образования, необходимого библиотеке для ее развития (тому кто уже пришёл в библиотеку и в ней готов остаться — важно помочь это сделать);

- *создание системы самообразования:*

- возможность комплектования профессиональной литературы библиотеками всех типов от методцентров до сельской библиотеки;

- выделение времени для работы по самообразованию.

4.4. Сбор, распространение и внедрение в практику работы библиотек страны инновационного опыта по направлениям:

- ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ;

- РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМ И МЕТОДОВ РАБОТЫ БИБЛИОТЕК С МОЛОДЫМИ КАДРАМИ.

4.5. Развитие сети профессиональных общественных организаций, как структур, направленных на развитие профессионального и творческого потенциала библиотечной молодежи, являющихся основой горизонтальной карьеры специалиста;

4.6. Развитие международного сотрудничества молодых библиотекарей, инициирование, а также активное и равноправное участие в подготовке и реализации библиотечных международных и общеевропейских проектов и программ, в том числе и развития профессиональной и социальной

поддержки молодых специалистов;

4.7. Разработка механизма миграции библиотечных специалистов в регионах России, а также ближнего зарубежья;

5. МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В БИБЛИОТЕЧНОЙ СФЕРЕ

- разработка федеральной программы «Кадры библиотек России» с разделом «Молодые в библиотечном деле», учитывающим региональные особенности и проблемы привлечения, вовлечения и закрепления молодых специалистов в библиотеке;
- создание экспертного совета по кадровым проблемам отрасли;
- проведение мониторинга образовательной среды и кадровой ситуации молодежной библиотечной среды;
- развитие Информационно-консалтингового и образовательного центра «Библиотечная карьера» как структуры, куммулирующей и распространяющей новое знание о библиотечных профессиях;
- создание общественного профессионального объединения молодых в библиотечном деле.

РЕГИОНАЛЬНОЕ БИБЛИОТЕЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ МОЛОДЫХ БИБЛИОТЕЧНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Марина Павловна ЗАХАРЕНКО,
заместитель директора по региональным и общественным связям
Российской государственной юношеской библиотеки
(г. Москва)

Создание в России многоуровневой системы библиотечного законодательства, безусловно, является большим достижением. Принятие профильных законов обеспечивает государственную защиту и поддержку библиотекам в решении многих вопросов, в т.ч. кадровых. Наиболее динамичной частью правового библиотечного пространства является региональный уровень. Профильное региональное законодательство содействует повышению престижа библиотек, укреплению их юридической и финансовой самостоятельности, положительно сказывается на социальной защищенности сотрудников.

В условиях современной библиотеки очевидна потребность в положительно мотивированных на успешную профессиональную деятельность кадрах, прежде всего молодежи. Важно формировать у молодых специалистов отношение к профессии, при котором профессиональный труд рассматривается не только как средство решения материальных проблем, но и как основная жизненная ценность, как возможность социальной самореализации. В связи с этим становится особо актуальным формирование положительной профессиональной мотивации у молодых специалистов библиотек. Мотивация существенно влияет на профессиональную идентификацию (сопряжение личности с профессией), на творческую активность, креативность. По оценкам западных экспертов, мотивированный специалист может повысить эффективность своей работы на 40%.

В последние годы на широкое обсуждение общественности выносятся профессиональные и социальные проблемы молодых в библиотечном деле. Одной из причин возникновения сложной возрастной кадровой ситуации является недостаточное внимание к вопросам мотивации труда сотрудников. Вместе с тем кадровый состав библиотечных учреждений — это один из определяющих ресурсов, без которого невозможна эффективная деятельность библиотеки. Необходимо, чтобы работа по формированию, поддержанию и развитию профессиональной мотивации молодых специалистов стала одним из приоритетных направлений библиотечной кадровой политики, иначе исчерпается интеллектуальный потенциал отрасли, творчески активная, деятельная молодежь не сможет полномасштабно самореализоваться в библиотечно-информационной сфере.

Существует противоречие между потребностью общества и государства в специалистах библиотек, положительно ориентированных на профессиональную деятельность, и низким уровнем развития профессиональной мотивации молодых библиотечных сотрудников. Важным звеном в этой связи является отражение кадровых проблем в профильных законах.

На сегодняшний день в преобладающем большинстве регионов (республик, краев, областей, автономных округов) приняты Законы о библиотечном деле, всего нами выявлены законы 68 регионов. В ходе анализа собранной информации просматриваются некоторые особенности регионального законодательства применительно к проблеме библиотечных кадров — чрезвычайно острой в настоящее время для развития отрасли. Отражают ли эти документы вопросы мотивации сотрудников? Влияют ли на формирование профессиональной мотивации?

Имеющийся документальный материал позволяет увидеть общую картину профильного регионального законодательства. Пик законода-

тельной активности регионов России пришелся на 1996-1997 годы. Импульс был дан принятием федеральным центром законов «О библиотечном деле» (1994 г.) и «Об обязательном экземпляре документов» (1994 г.). Федеральные законы заложили общие правовые основы деятельности библиотек, которые детализируются и развиваются региональными законами, ориентированными на местную специфику, что достаточно четко прослеживается при обращении к их текстам.

Важным представляется тот факт, что в большинстве, а именно в 89,7% региональных законодательных актах по библиотечному делу выделены специальные статьи и самостоятельные главы, посвященные кадрам.

- Социальные гарантии работникам библиотек / Меры социальной поддержки / Социальная поддержка / Социальная защита работников библиотек (в законах 19 субъектов)
- Права библиотечных работников. Оплата труда и льготы / Права, оплата труда и меры социальной поддержки / Права и социальные гарантии / Права библиотечных работников (в законах 10 субъектов)
- Трудовые отношения работников библиотек / Трудовые отношения и социальные гарантии / Трудовые отношения, оплата труда и льготы работникам библиотек / Трудовые отношения, дополнительные льготы и гарантии (в законах 24 субъектов)
- Оплата труда и льготы работникам библиотек / Оплата труда и социальная защита (в законах 5 субъектов)
- Стимулирование труда работников библиотек (в 1 законе)
- Статус библиотечных работников (в законах 2 субъектов)
- Нет (в законах 7 субъектов)

Наиболее весомо отражены дополнительные льготы и гарантии работникам библиотек в законах таких регионов, как Тюменская, Астраханская, Орловская, Белгородская, Курганская области, Красноярский край, Ханты-Мансийский автономный округ.

В части региональных законов особо оговариваются профессиональные права библиотечных работников. В 16 законах в целях защиты социальных и профессиональных прав, содействия развитию библиотечного дела зафиксировано право объединения в профессиональные сообщества. Проведение периодической аттестации работников зафиксировано в восьми законах. Лишь в трех региональных законодательных актах за органами государственной власти закреплено обеспечение подготовки и переподготовки библиотечных специалистов (Коми-Пермский АО, Кировская и Пермская области). А ведь обеспечение библиотек

квалифицированным персоналом одна из жизненно важных задач для обеспечения эффективного развития отрасли.

Низкая оплата труда в библиотечной сфере признается всеми. Каковы же формы социальной защиты и дополнительные льготы, отраженные в региональных законах о библиотечном деле:

- надбавка за непрерывный стаж работы;
- надбавка за суммированный / общий стаж работы;
- дополнительный оплачиваемый отпуск за выслугу лет;
- учреждение грамот, премий администраций регионов;
- повышение разряда ЕТС лауреатам профессиональных конкурсов;
- присвоение повышенного разряда ЕТС выпускникам-отличникам;
- сокращение рабочего дня;
- доплаты работникам центральных библиотек за осуществление методических и координационных функций;
- материальная помощь;
- надбавка / дополнительный оплачиваемый отпуск за звание;
- пособие / материальная помощь при уходе в отпуск;
- право на обеспечение жильем;
- санаторно-курортное лечение;
- другие выплаты из надтарифного фонда.

Анализ показал, что наиболее распространенной мерой социальной поддержки (49,2%) является надбавка (либо дополнительный отпуск) за непрерывный стаж работы.

Надбавка за непрерывный стаж работы закреплена в законах 18 субъектов, в частности, за первые пять лет устанавливается от 5% (ХМАО) до 25% (Калужская область) и 5% за каждые последующие 5 лет. Надбавка за суммированный стаж работы установлена в 8 региональных законах. К сожалению, в ряде законов эта социальная гарантия носит декларативный характер. Ряд региональных законов предоставляют дополнительный оплачиваемый отпуск за выслугу лет. Например, в Курганской области от 2 до 5 лет – 5 рабочих дней, от 5 до 10 лет – 10 рабочих дней, свыше 10 лет стажа – 15 рабочих дней, в Орловской области дополнительно к очередному отпуску за выслугу лет предоставляется 1 день за каждые 5 лет непрерывного стажа.

Доплаты работникам центральных библиотек за осуществление методических и координационных функций зафиксированы в законах 15 субъектов.

Надбавка за звание «Заслуженный работник культуры» установле-

на в Тюменской области, ХМАО, Красноярском крае, в Тульской области предоставляется дополнительный оплачиваемый отпуск.

В редких случаях оказывается материальная помощь при уходе в отпуск (в Республике Северная Осетия, Тюменской, Калужской и Орловской областях). В Тульской области работники государственных и муниципальных библиотек имеют право на получение пособия на санаторно-курортное лечение в размере должностного оклада.

В некоторых законах (Приморский и Красноярский края, Тюменская, Тульская и Воронежская области) закреплено право администрации сокращать рабочий день библиотечных работников, интенсивность труда которых превышает установленные нормы обслуживания пользователей.

Особо следует отметить гарантии, направленные непосредственно на молодых специалистов. Это особая и чрезвычайно острая проблема. В целях закрепления молодых кадров в регионах создаются необходимые условия для продолжения учебы и профессионального роста. Заметно влияют на самоутверждение молодежи конкурсы профессионального мастерства. Их итоги нередко являются основанием для повышения разряда. Закреплению молодых кадров служит и материальная заинтересованность. В большинстве региональных библиотечных законов при различии подходов заложены прямые и косвенные экономические меры, которыми пользуются, в том числе молодые сотрудники:

- повышение разряда ЕТС лауреатам профессиональных конкурсов
(зафиксировано в законах Приморского края, Белгородской и Новгородской областей);
- присвоение повышенного разряда ЕТС выпускникам-отличникам (в Новгородской области);
- учреждение грамот, премий (Приморский край, Владимирская и Белгородская области);
- дополнительные льготы выпускникам (Ханты-Мансийский автономный округ, Новгородская и Астраханская области);
- сокращение рабочего дня (Приморский и Красноярский края, Тюменская, Тульская и Воронежская области);
- доплаты работникам центральных библиотек за осуществление методических и координационных функций (15 регионов);
- материальная помощь (Воронежская и Владимирская области);
- пособие / материальная помощь при уходе в отпуск (Тюменская, Калужская и Орловская области, Республика Северная Осетия - Алания).

Важной проблемой для молодого специалиста, является наличие жилья. В Законах Республики Хакасия и Курской области зафиксировано право работников библиотек на обеспечение жильем за счет средств бюджета или выплаты компенсации на индивидуальное строительство жилья. Согласно закону Ханты-Мансийского автономного округа, выпускники культурно-просветительских образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования, приступившие к работе в государственных или муниципальных библиотеках по специальности, пользуются правом первоочередного получения субсидий на беспроцентной основе на строительство или приобретение жилья, а также в пределах выделенных средств им выплачивается единовременное пособие в размере 6 должностных окладов и устанавливаются ежемесячные доплаты в течение 3 лет в размере тарифной ставки 1 разряда единой тарифной сетки. Можно надеяться, что наличие вышеперечисленных гарантий и льгот дает хорошую мотивационную основу для молодого библиотечного специалиста.

Однако не во всех территориальных законах введены нормы, отражающие социальную защиту работников библиотек. В некоторых из них эти нормы носят декларативный характер. Не всегда заложен механизм их реализации, не конкретизированы источники финансирования.

Безусловно, трудовые отношения работников библиотек регулируются законодательством Российской Федерации о труде, как записано в Федеральном Законе «О библиотечном деле» (Ст. 26). Библиотечные работники не отличаются в этом отношении от работников других сфер деятельности. В регионах принимаются различного рода программы развития библиотечного дела, включающие кадровый аспект. Каждый регион страны заслуживает внимания с точки зрения всестороннего анализа проводимой библиотечной политики. Однако, на наш взгляд, когда столь остро стоит кадровая проблема в библиотечной отрасли, отражение ее в правовых нормативных актах, принимаемых в регионах, а тем более в законах — актах высшей правовой силы — свидетельствует о серьезности подходов к проблемам привлечения и закрепления специалистов в библиотеках.

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

«ПО-РАЗНОМУ ЗАРОЖДАЮТСЯ СУПРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ...

...И чрезвычайно сложной, затянутой, подчас драматичной их разносторонностью представляется мне служебный роман. У каждой пары он протекает по-своему, но у всех с неизменным набором мук и ухабов, советами «доброжелателей», вмешательством общест-венности. На служеб-

ный роман идут чаще зрелые люди, готовые пройти через все испытания, включая партком и горе самых близких» — так считает Борис Николаевич Бачалдин, один из выдающихся деятелей библиотечного дела России советско-го периода.

В последнее время появляются мемуары библиотечных деятелей, из которых, входящие в профессию молодые узнают об очень важных событиях и фактах прошлого. Книги передают и атмосферу описываемого времени. Закрыв последнюю страницу книги Бориса Николаевича «Фрагменты памяти», я не удержалась от возгласа восхищения: «Орел!». Да, он — профессионал высшей пробы, разумный организатор, мужчина с притягательной энергетикой. Сейчас о таких говорят — «с харизмой». Я это пишу не понаслышке, со слов других. Мне повезло, я несколько лет проработала с Борисом Николаевичем в Ленинке и не просто в одном отделе, наши рабочие столы стояли друг напротив друга. На моих глазах создавался «Менеджмент в научно-методической работе» — одно из лучших, я бы сказала, классических пособий этой тематики. Однако редко кто отважится вплести в канву деловых и профессиональных событий личные отношения, которые, несомненно, накладывают свой отпечаток на все стороны жизни. Служебные романы случаются и в нашей среде. Несмотря на откровенно

негативный налет, понятие «служебный роман» вовсе не означает разрыв одного для создания другого союза. Много молодых пар начинают свой путь в супружескую жизнь именно на рабочем месте. Об этом весьма тонком и деликатном явлении библиотечной жизни — **БИБЛИ-ОТЕЧНЫЙ СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН** — я осмелилась поговорить именно с Борисом Николаевичем Бачалдиным

Т.С. Борис Николаевич, большое спасибо за книгу! Такой разговор о библиотечном деле с четкой личностной позицией необходим сегодняшней библиотечной молодежи. Выбранный стиль изложения, широкая панорама проблематики отечественной информационно-библиотечной системы при неизбежной фрагментарности авторской исповеди и живой, красочный язык — все это хорошая школа молодым. А не будет ли продолжения фрагментов?

Б.Н. Нет! Сообщаю об этом с горечью, ибо мои воспоминания оборвались внезапно из-за болезни, а кроме того, рукопись не резиновая, что вынудило уполовинить ее объем, чтобы издать. Из проблем, которые я вынужден был опустить при подготовке рукописи книги, для меня были особенно дороги и близки две проблемы. Это рассказ о директорском корпусе региональных информационно-библиографических, научно-методических и организационных центров и методистах данных центров, а проще республиканских (АССР), краевых, областных, универсальных научных библиотеках России; вторая проблема — библиотечное зарубежье (точнее, участие в тех немногих контактах, которые содействовали сближению двух библиотечных школ — советской и зарубежной).

Меня до сих пор согревают воспоминания о многолетних служебных, подчас дружественных контактах с директорами и заведующими научно-методическими отделами этих центров. О! Какие это были инициативные, стратегически мыслящие, самостоятельные, энергичные специалисты, замечательные личности.

У каждого директора и методиста свое лицо, свое видение общественных и профессиональных явлений, свой менталитет, свой стиль и т.д. Меня почти всегда воодушевляло их умение жить и работать. Их па-

Борис Николаевич Бачалдин — выпускник Московского государственного библиотечного института (ныне — Московский государственный университет культуры и искусств), окончивший его библиографический факультет в 1948 году, как библиотеквед — аспирантуру ФБОН АН СССР. Кандидат педагогических наук. За заслуги в области советской печати в 1973 году удостоен почетного звания заслуженного работника культуры РСФСР.

Б.Н. Бачалдин прошел суровую и насыщенную школу жизни. Воевал, был тяжело ранен, инвалид войны. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями, отмечен другими знаками отличия. Избрав гуманистическую и интеллектуальную библиотечно-информационную профессию, сформировался как многогранный специалист, в сфере научных и практических интересов которого — оптимизация функционирования систем академических, технических, областных библиотек; усиление роли библиотек в информационном обеспечении промышленности и агропрома; технология информационно-библиотечного дела; сводные каталоги и МБА; централи-

триотизм. Как они умели в условиях постоянно недостаточного финансирования, нередкого равнодушия власти на свои плечи взваливать тяжелейший груз ответственности за состояние вверенных им библиотек, библиотечного дела в целом в республике (АССР), крае, области, в сущности успешно управлять библиотечным делом своего региона.

Я счастлив, что мне довелось пообщаться с такими замечательными людьми, патриотами, отчаянными оптимистами. Я не называю имен, поскольку всех назвать не могу, а кого-то пропустить было бы обидно.

Т.С. Борис Николаевич, я очень признательна Вам за то, что Вы согласились поговорить на тему библиотечного служебного романа. Почему Вы? Во-первых, Вы не избегали служебного романа, во-вторых, долгие годы работая на руководящих должностях, Вы вольно или невольно сталкивались с драматическими и лирическими сторонами этого явления.

Так что же такое служебный роман в стенах библиотеки? Это неизменный атрибут библиотечной жизни? Каковы его положительные и отрицательные стороны? Как сочетаются такие понятия как «флёр», «флирт» «адюльтер»...с понятиями «производственное совещание», «график работы» «должностная инструкция»?

Б.Н. Вопрос интересный и тонкий. Не знаю, имею ли я право на свою интерпретацию в данном случае, ведь я — не психолог, а лишь библиотекарь. И вообще, правомерно ли классифицировать служебные романы по роду занятий

их участников. Если принять Вашу позицию и попытаться определить своеобразие библиотечного служебного романа, то это, может быть, сознание, ощущение, что предмет твоего увлечения где-то рядом, в одном с твоим помещением, и это греет тебя, ты уверен, что в течение дня ты можешь с ним увидеться, пообщаться, встретиться в буфете, на лестнице, на общем профсобрании, и т.д., проводить его до дома, расставшись до следующего свидания и т. д.

Служебный роман — это внезапно и счастливо вспыхнувший сгусток интеллектуально-нравственный и нервно-психической энергии мужчины и женщины, сгусток эмоций, чувств на грани болезни, причем неизлечимой на всю оставшуюся жизнь — кому повезет, или на время — для менее удачливых. А как очаровательно обаяние свиданий. Мне 85, но я, оставшись один на один с Вселенной, нет-нет да и вспомню в деталях некоторые из них.

Не уверен, что правомерно, как Вы говорите, служебный роман в стенах библиотеки определять (считать) неизменным атрибутом библиотечной жизни, который, по Вашему мнению, имеет «положительные и отрицательные стороны». По моему глубокому убеждению, надо говорить не о свойствах служебного романа, а о качестве личностей участников романа. Требуется, чтобы они были «человеками», морально, нравственно-этически нормальными, психически здоровыми, честными, ответственными за свои деяния, щадили друг друга, особенно детей и оставленных супругов. Развод — трагедия для всех, и раны, нанесенные им, лечит (точнее подлечивает) только время: оставленный супруг заключает новый брак, дети подрастают, вступают в свою собственную жизнь.

Вы спрашиваете, как сочетаются понятия «флер», «флирт» и «адюльтер» с понятиями «производственное собрание», «график работы», «должностная инструкция»? Остроумно закруглили Вы этот вопрос, решив, видимо, соломку подстелить, чтобы смягчить факт измены, обмана партнеров, лиц, пребывающих в законном или гражданском браке, в дружеских отношениях.

Однако измена есть измена, обман есть обман, а «график работы» и

ция как рациональная и экономичная форма библиотечного дела; менеджмент в научно-методической работе; повышение качества НИР в библиотековедении; изучение зарубежного библиотечного дела и популяризация отечественного за рубежом. Автор многих публикаций, в том числе очерков о библиотечных учреждениях, выдающихся коллегам и сподвижникам.

Бачалдин, работая в системе главных библиотечных центров страны, участвовал в формировании ряда профессиональных изданий, 5 лет возглавлял журнал «Библиотекарь» («Библиотека»). В течение многих лет служил в Министерстве культуры РСФСР, занимал должность начальника отдела, а затем и начальника Управления библиотек, реализовав себя в управленческо-служебной, организаторской, научной, информационной, преподавательской, публицистической функциях. В течение 10 лет до выхода на пенсию был ведущим научным сотрудником РГБ.

прочие приведенные Вами понятия никак с ними не сочетаются, а являются лишь паллиативом, позволяющим смягчить их, являются средством, помогающим изменнику на какой-то срок оправдаться, сослаться на «производственное совещание», плохой «график работы» и т.д. и т.п. А это значит, что служебный роман требует большого мужества, долготерпения, связан с кропотливым поиском на какое-то время компромисса, выхода из трудных житейских проблем (общие дети, деньги, квартирный вопрос и т.д. и т.п.). Любый служебный роман чем-то завершается. Хорошо, если счастливым браком. Плохо, если ничем или тем грустным романсом, который создали тонкий лирик А. Дементьев и наш неподражаемый певец И. Кобзон, выразив, как нельзя точно безысходность служебного романа: «Наверно, выдумали мы от одиночества друг друга».

Т.С. *Существует несколько разновидностей служебного романа. И один из них — роман равных. Он возникает в недрах коллектива. И в наше время, и в прежние годы много работают, много времени проводят в стенах своего учреждения, приходят домой поздно вечером, практически не общаются ни с кем, кроме собственных коллег. С коллегами они обедают, бегают за булочками и обсуждают политические новости. Формула такова: из 24 часа в сутках - 8-часовой рабочий день + дорога на работу и обратно + сон = в лучшем случае 6 часов вечернего времени в остатке. Кроме того, совместные поездки в командировки... Ничто так не сближает, как ежедневное общение, совместная работа и примерно одинаковая зарплата. Такая ситуация дает возможность как можно больше узнать друг о друге — о характере, привычках. Это благодатная почва для возникновения служебного романа, которая имеется и в библиотечном коллективе. Известные мне тандемы профессионалов внесли большой вклад в развитие библиотечной и библиографической мысли, библиотечного дела в целом. Ведь и Ваши семьи возникли именно из таких романов, в них нет ничего отрицательного, не так ли?*

Б.Н. Вы четко разложили все по полочкам. С Вашей схемой можно согласиться, но она — не абсолют. В жизни все сложнее и разнообразнее.

Названные Вами признаки служебного романа — романа равных еще не гарантируют гармонии и благоприятного его исхода, не переменного сближения его участников, возможно и отторжение. Кому как повезет! Думается, что Ваша уверенность, что в служебных романах, служебных тандемах, вызревших в коллективах, нет ничего отрицательного, мягко говоря, идеализация. Полно фактов, когда улыбочивые и любопытствующие доброжелатели, подружки и т. д. приносили ущерб участникам романа.

Вы полагаете, что в недрах коллективов успешно вызревают романы равных с «примерно одинаковой зарплатой». Я убежден, что не меркантильные обстоятельства, не равный возраст главенствуют, а нечто другое. Скажем, он — уже не юноша, старший научный сотрудник с более высокой зарплатой, она — служащая с меньшей, но их роднит что-то другое, скажем,

«святая к музыке любовь», духовные порывы, желание устроить жизнь, быт.

Позволю сослаться на личный опыт. Когда вспыхнул и разгорелся огонь моего романа, я был аспирантом с грошовой стипендией, а моя избранница руководила ведущим отделом ФБОН АН СССР с крепкой по той поре зарплатой. Потребовалось время, чтобы наши зарплаты сравнялись и на каком-то этапе моя зарплата стала выше зарплаты жены, но у нас никогда не было денежных раздоров. Спорили мы по профессиональным, политическим, искусствоведческим вопросам, из-за персональных оценок.

А теперь по поводу Вашего термина «роман равных». Не приемлю его. Мы не были равными. Мы были разными. Свою Клавдию Павловну Алексееву по всем статьям я ставил на первое место по уму, по душевности, по деловитости и т.д. и т.п. На реплику собеседника: «Привет Вашей половине», я неизменно отвечал: «Она — не половина моя, а полная и неделимая, оригинальная самостоятельная личность!»

Т.С. *Многие библиотечные пары продолжают работать в одной организации, в одной библиотеке. Хотя бизнес-этикет большинства иностранных и некоторых российских компаний не позволяет супругам работать вместе. Как Вы считаете, относится ли это к сотрудникам государственных учреждений, к коим принадлежит и библиотека?*

Б.Н. Лучше, чтобы библиотечные пары не работали вместе в одной библиотеке, как это предусмотрено бизнес-этикетом многих современных компаний. Но они — не пионеры в этом деле. И в прошлом умные директора стремились сглаживать недостатки явления, именовавшегося семейственностью. Например, в ФБОН АН СССР в 40-60-е годы в общем-то успешно работало немало семейных и почти семейных пар. Как будто бы царил тишь, да благодать. Тем не менее, мудрейший директор Виктор Иванович Шунков — опытейший администратор, тонкий психолог, деликатнейший человек нет-нет да и принимал решения по снижению порогов «семейственности». Так, едва закончился мой аспирантский срок и он тонко, дипломатично развел меня с Клавдией Павловной Алексеевой — заведующей Отделом отечественного комплектования, перевел в другое библиотечное учреждение (Сектор сети специальных библиотек АН СССР) на высокую зарплату. В ту пору наш служебный роман с Клавдией Павловной был в зените.

Виктор Иванович, разумеется, и не думал, что наш роман при этом оборвется, закончится. Но он его вывел из стен руководимого им учреждения, понимая, что существует неписанная, но строго исполняемая опытными администраторами этика защиты всего коллектива: не создавать каких-то поблажек отдельным работникам действовать не по уставу, а по эмоциям.

Однако, с другой стороны, Татьяна Сергеевна, есть и такое понятие, как «династия», а где, как не в недрах одного учреждения, зарождались многие библиотечные династии. Так что тема «семейственности и династичности»

тонкая, интересная и требует отдельного большого разговора.

Т.С. Более сложным с этической точки зрения является служебный роман «руководитель — подчиненная (ый). Вариантов его очень много. Один из них — карьерный. Психолог Инга Коложвари считает: «В силу определенной традиции, сложившейся еще в советское время, люди воспринимают сослуживцев, коллег и своих руководителей как людей, с которыми у них должны быть хорошие личные отношения. Да, с точки зрения психологии, на любого руководителя проецируются различные наши детские «комплексы», да, любое предприятие — и западной, и японской модели — будет заявлять, что «мы — одна семья», но все же это ничто по сравнению с укоренившимся именно в нашей стране убеждением, что личные отношения на работе, в первую очередь, определяют всю карьеру. Да и на самом деле, из нас каждый много раз сталкивался с тем, что вперед продвигаются наиболее активно те люди, которые приближены к руководству». Другой вариант — роман для разнообразия или самоутверждения. Примеры служебных романов и того, и другого варианта можно найти в любой библиотеке.

В настоящее время в библиотеках происходит смена поколений, активно омолаживается управленческое звено, приходят молодые директора, заместители директоров, заведующие отделами. В их числе и молодые мужчины, которым совсем непросто вписаться в чисто женские коллективы. Тем более они даже представления не имеют, какие подводные камни с русалками их ожидают.

Борис Николаевич, что Вы — управленец высшей пробы — могли бы посоветовать молодым руководителям? Мне кажется, Ваши советы могли бы помочь им избежать некоторых сложных моментов в их карьере.

Б.Н. Вы затронули целую серию актуальных, принципиальных и очень сложных, подчас неразрешимых проблем. Спасение здесь — в уме, мудрости, волевых качествах, крепости характеров, воспитанности, терпении, ответственности всех участников кадровой игры. Знание подобных проблем и скрупулёзное исполнение выработанных по ним решений всеми — залог того, что в коллективе можно избежать многих неприятностей, ошибок, бед. А их репертуар с учётом практики многих коллективов довольно обширен и разнообразен.

Судя по опыту отдельных коллективов, это нарушение трудовой дисциплины, панибратство начальников и подчинённых, проталкивание «родного человечка» на более «хлебные» места, должности и временные работы, создание ему вольготных условий трудом быта в ущерб другим, завышенная оценка его талантов, преимущественное материальное поощрение, премирование вне очереди и т.д.

Пассивное отношение руководителей библиотек, коллективов общественных организаций, скажем, профсоюзной, призванных блюсти порядок, отслеживать состояние служебного климата к указанным нарушениям, может привести ко многим неприятным последствиям: закулисной возне, сплетням, анонимкам, скандалам, зависти, потоку жалоб

в газеты и т.д.

Как избежать нравственно-этических кадровых изъянов в коллективах?

Универсального рецепта нет, но идеальной вариант взаимодействия «начальник — подчинённый», когда оба не только знают, но и сознают, понимают и неукоснительно твёрдо принимают правила игры, не нарушают их. Иными словами, можно быть закадычными друзьями, тайными или явными любовниками, но ни в коем случае не забывать в коллективе, на виду у всех, кто ты официально, по штатному расписанию — начальник или подчинённый; не демонстрировать свою исключительность по признаку своей близости к начальнику, не вызывать излишнего любопытства у коллег. Соблюдение указанного требования может уберечь от многих ошибок, неприятностей, ненужных последствий.

Приведу простейшую иллюстрацию. Утверждённый в 1974 г. начальником Управления библиотек Министерства культуры РСФСР, я в частных беседах с директорами республиканских библиотечных центров договорился изменить стиль наших публичных отношений, перейти от дружеских обращений Дима, Лиля на официальный язык по имени и отчеству. Кое-кому это не удалось. Скажем Д.С. Жаркову. Это объяснимо. Ведь мы учились вместе в школе, институте, десятилетиями дружили. Через какое-то время мы научились с директорами избегать серьёзных карьерных нарушений, отступлений от официальных канонов и одновременно традиционно сохраняли дружеские отношения в домашней обстановке.

Вы хотите, чтобы я сформулировал советы молодым? Совет один: надо быть честным, не ловчить, не суетиться по поводу карьерного роста, тогда коллектив сам заметит, что пора Вам помочь занять более престижную и интересную должность, помочь в Вашем карьерном росте.

Вы, Татьяна Сергеевна, отмечаете смену поколений, приток молодых руководящих кадров (директоров, их заместителей, заведующих отделами), в том числе мужчин и просите дать им отеческие советы. Для меня это не просто, поскольку я давно на пенсии, оторвался от жизни, от нынешней практики, слабо и случайно информирован, не знаю сегодняшней библиотечной молодёжи, выпускников вузов. Поэтому мои советы могут показаться абстрактными, не подкреплёнными конкретикой.

И всё же хотелось бы, чтобы молодые люди, особенно юноши, включаясь в женский библиотечный коллектив уяснили линию своего личного поведения, представляли, на чём следует сосредоточиться, как общаться с коллективом, да ещё женским. С первых шагов целесообразно постараться не распускать молодой петушиный хвост, не спешить с саморекламой, хвастовством, а с достоинством, скромно, лаконично, чётко представиться. Одновременно важно не поддаваться зажиму, свободно, по-деловому ответить на вопросы коллектива, если они появятся.

В дальнейшем, лишь почувствовав что удаётся разобраться в профес-

сиональной служебной сфере, выполнив определённый объём работы, убедив окружающих первыми трудовыми успехами, можно постепенно раскрываться, расширять сферу общения с коллективом, осваивать его особенности, определяться с симпатиями, дружеством... Глядишь и роман завяжется...

Т.С. *Борис Николаевич, как Вы считаете, роман библиотекаря и читателя — это служебный роман? Ведь некоторые читатели (студенты, научные работники) много времени проводят в библиотеках, это часть их профессиональной деятельности. Например, вузовские библиотеки, библиотеки НИИ являются структурными подразделениями своих учреждений.*

Б.Н. Безусловно, особенно если роман зарождается и развивается в специальных библиотеках учебных заведениях, НИИ, КБ.

Т.С. *Борис Николаевич, Вы наверняка, помните о так называемой «кадровой политике» в далекие 30-е годы прошлого столетия в Политехнической библиотеке Москвы, элементом которой являлся роман, возникший на служебном месте. О ней рассказывала со слов своей матери — библиотекаря Политехнички Белла Исидоровна Фрумина, дочка известного библиотековеда Исидора Марковича Фрумина. Вот, кстати, тоже пример библиотечного тандема, породившего библиотечную династию, которая, к сожалению, рано оборвалась. Так, в Политехничке действовала такая схема — первым местом работы новой молодой сотрудницы был абонемент или какой-то пункт выдачи литературы, т.е. то место, где бывает большое количество читателей, и естественно молодых людей. Такая ситуация способствовала возникновению романов, поскольку библиотека в те годы была очень популярна. Затем, после заключения брака коллегу переводили во внутренние отделы (где был минимальный контакт с читателями) и чаще всего — в отдел обработки новых поступлений, проверяя ее выносливость на однотипные, монотонные формы работы. В то время было много ручной рутинной работы. И если это не вызывало у молодой девушки отторжения, считалось, что она может посвятить себя работе именно в библиотеке, и начинали заниматься ее профессиональным ростом в зависимости от интересов.*

Борис Николаевич, как Вы считаете, может ли быть применена эта схема сегодня?

Б.Н. Думается, что опыт Политехнички 30-40-х годов, наверное имел какой-то эффект, но едва ли может быть использован как образец в наши дни. Он жёсток и не привется в наши вольнодумные дни. Да и согласится ли современная девушка на подобный эксперимент. Впрочем, все зависит от условий перевода (большая зарплата, интересная работа и т.п.).

Т.С. *Мне кажется, что до тех пор, пока мужчины и женщины будут работать бок о бок, они будут влюбляться. И значит — служебные романы были и будут. Необходимо решить для себя — это служебный роман или дей-*

ствительно главная любовь твоей жизни.

Б.Н. Полностью разделяю Ваш оптимизм относительно вечной ценности любви мужчины и женщины, работающих бок о бок, а также о вечности служебных романов. Вместе с тем сомневаюсь в добротности рекомендации людям «... решать для себя — это служебный роман или действительно главная любовь твоей жизни?».

Не знаю, где та грань, та межа, тот сердечный сигнал, когда пара может решить — пора кончать служебный роман, пора к венцу. У Вас получается, что роман что-то менее серьезное, безответственное, а «Главная любовь жизни» — качественно что-то иное, высшее, главное в жизни. Служебный роман развивается во времени. И дело в том, как он начинается, развивается, завершается. Уже с самого начала он может стать главной любовью в жизни пары или проиллюстрировать известные лирические слова Деметьева: «Наверно, выдумали мы от одиночества друг друга!».

Словом, все зависит от судьбы двух. Их роман может завершиться браком или оборваться трагично, буднично.

Т.С. *Очень хотелось, чтобы в наших библиотеках работало больше мужчин. Нет ли у Вас рецепта, каким образом можно привлечь в библиотеки молодых специалистов-мужчин?*

Б.Н. Вопрос чертовски интересный, актуальный, острый и жизненный, но ответ на него абсолютно бесперспективный. Рецепта нет. Если серьезно, а небодрячески, по-хрущевски — «наше поколение будет жить при коммунизме», то ответ никто не даст. Никакой политик, психолог, демограф.

И еще мне бы хотелось задать Вам несколько вопросов, так называемый блиц-опрос.

Т.С. *Кого из классиков Вы сегодня перечитываете?*

Б.Н. Как и прежде, А.П. Чехова, Н.В. Гоголя, К.М. Станюковича.

Т.С. *Хотели бы Вы стать министром культуры? Если, да, то с какой целью?*

Б.Н. Нет и нет!!! Для меня ценнее универсализм Знаний, принципов, навыков в одной избранной и освоенной профессии, чем раздробленность усилий в универсальной всеохватной должности (Министр).

Т.С. *Какие культурные традиции нашей страны Вы считаете необходимым сохранять и развивать молодому поколению?*

Б.Н. Верность фундаментальному изучению, развитию и наращиванию потенциала избранного дела своей жизни, библиотечно-информационного дела.

Борис Николаевич, большое спасибо за интервью!

Надеюсь, что мы не раз встретимся с Вами на страницах нашего журнала.

СЮЗАННА

Школа моих детства и юности умела заложить в сознание своих питомцев оптимистически непреложную, но, как выяснится в зрелости, фантастическую истину. Ее суть: человек — кузнец своего счастья, хозяин собственной судьбы. Пребывая в подобной вере, я дважды покидал отчий дом (в 1942 и 1944 годах), еще не подозревая, что с судьбой, стечением обстоятельств, в сущности, не поспоришь. Судьба — одна реальная властительница в жизни, она — непостижимая предопределенность событий и поступков, а человек, увы — ей не кузнец, он либо избранник, либо жертва судьбы.

К тому же в начале сороковых я был в том возрасте, когда юноша, словно губка, впитывая все жизненные соки, все постигая быстро — знания, обычаи, навыки, столь же быстро расстается с пройденным, не очень задумываясь о последствиях. Попав в жизненный водоворот, плывет по течению, подчиняясь обстоятельствам, отнюдь не управляя ими.

Я испил чашу счастья и невзгод, никак не повлияв на ее содержимое. Ведь это судьба, что я, угодив в МГБИ — этот девичий вуз, оказался, как и большинство его питомцев, в эпицентре множества сердечных историй. Именно здесь я вынужден был осознать, что высказанные маме заверения остаться холостяком, я нарушил, как нарушил и обещание, данное в другой приезд в Улан-Удэ, пойти по пути дедушки, бабушки, родителей и иметь много детей. Судьбе было угодно распорядиться по-своему: быстренько меня оженить, но осчастливить лишь одним ребенком, матерью которого, как опять же распорядилась судьба, стала Сюзанна Павловна Юшкевич, ассистент Б.С. Боднарского, заведующая кабинетом библиографии, выпускница МГБИ с красным дипломом. Именно ей довелось в пышном институтском букете выполнить роль избранного цветка. Нашему сближению способствовало и то, что к лету сорок пятого не по моей инициативе угас эпистолярный роман с Ларой. Мои письма, бандероли с книгами на ее полевую почту оставались безответными. Душевно мучаясь, я счел себя вправе, хотя мое мужское реноме и было ущемлено, не настаивать на переписке. Она оборвалась навсегда. Осознав это, я почувствовал себя свободным и с чистой совестью нырнул в роман с Сюзанной.

Ее роль в моем мужании как личности, равно как и в длинном и ухабистом пути моего профессионального становления, исключительно вели-

ка. Безмерна моя благодарность ей. Жаль только, что я так редко говорил ей об этом. Увы, молодость беспечна, эгоистична.

Познакомился я с Сюзанной еще первокурсником, встретившись на одном из институтских вечеров. Постепенно знакомство студента с преподавателем обрело очертания взаимной симпатии, дружбы. Вместе мы заживали в каморку признанного поэтического метра — четверокурсника Саши Кузина. Они обменивались личными поэтическими находками. Я молча слушал и, не имея ни одного собственного стихотворного сочинения, не осмеливался оценивать итоги состязания. Подобная реакция, очевидно, и дала повод Саше за глаза именовать меня судаком, однако сей ярлык не приклеился ко мне.

Будучи вдовой поэта Леонида Лаврова, вхожая когда-то с мужем в мир его творческих увлечений, житейских страстей, цеховых знакомств, Сюзанна приглашала меня на литературные вечера. Особенно врезалась в память встреча с молодыми поэтами в актовом зале МГУ, которую вел критик Анатолий Тарасенков. Здесь я впервые «живьем» увидел Семена Гудзенко, Веронику Тушнову, Александра Межирова и других молодых поэтов, составлявших цвет отечественной поэзии военной и послевоенной поры, стихами которых зачитывалась молодежь института, да и всей страны.

Как-то так получилось, что мы с Сюзанной стали посещать лучшие спектакли знаменитых московских театров, в которых все еще играли корифеи русской сцены. После спектаклей по ночам возвращались в Левобережную. Редкий и тонкий знаток театральной афиши, историй многих постановок, биографий знаменитостей, Сюзанна отбирала спектакли, которые непременно должен видеть уважающий себя интеллигент. Мы вместе «доставали» билеты (она это делала ловчее), частенько ехали прямо к театру и у подъезда покупали их с небольшой доплатой. Вместе посмотрели, а затем и обсудили множество самых-самых на тот период громких и ярких постановок («Идеальный муж», «Учитель танцев», «Мадемуазель Нитуш», «Школа злословия», «Он пришел» и т.д.).

Пылкая, порывистая, любительница театра, кино, поэзии, а главное, жизни, Сюзанна была, разумеется, лидером в нашем дружеском тандеме, которому некоторые институтские девушки пытались помешать.

Она — лидер. А что же я? Ощущая в те годы свою эстетическую ограниченность, я увлеченно следовал фарватером Сюзанны, поначалу умом, а потом и сердцем признавая превосходство ее жизненного, творческого, интеллектуального опыта, старался не ударить лицом в грязь. Помогал выполнять кое-какие планшеты, плакаты, таблицы для кабинета, изготовил полочные разделители. Она доброжелательно и дотошно вводила меня в круг библиографических проблем, помогала анализировать библиографические источники, решать задачи по общей и отраслевым библиографиям.

Сюзанна восторженно оценила мои графические способности. Я, кажется, в своем усердии перевел в изоплакатную и табличную форму все библиографические догмы, цитаты, стандарты, чем помог ей в ее консультационной работе со студентами.

Постепенно, как бы случайно и все интенсивнее наши с Сюзанной пути начали пересекаться. Я изредка захаживал в ее комнату, она — ко мне. Встречались мы на лекциях и семинарах по библиографии, на вечерах, собраниях, танцах. Весной, когда в институте стихийно возникла дружная волейбольная команда, в основном из инвалидов войны (Лауфер, Решетинский, Мошкович, Коршунов и др.), она стала ее активнейшим бойцом. «Резались» мы допоздна. Зато сон был отменным, аппетит тем более. Настроение на подъеме. Частыми были встречи на канале, на пробежках вдоль его берега, во время купания. Сюзанна плавала самозабвенно.

Уже тогда, на ранней стадии наших отношений, я обнаружил еще один удивительный талант Сюзанны: умение делать покупки, а если требовалось, то и продавать что-то. Подобного дара я был лишен полностью и на всю жизнь. Когда же я пренебрегал этим, то оставался в абсолютном проигрыше. (Не очень ловка в покупках и наша дочь. Книга ей милее, чем новое платье. Зато внучке бабушкин талант помогает мастерски транжирить монету).

Пожилые москвичи помнят послевоенные рынки и барахолки. Они были завалены «заморскими» товарами (на Центральном рынке я купил отличные немецкие акварельные краски, колонковые кисти, карандаши, послужившие мне не один десяток лет). Выбрались мы как-то с Сюзанной на самую грандиозную московскую толкучку (не припомню ее название). Мне приглянулся элегантно сшитый серый спортивный пиджак с большими накладными карманами. Я было ринулся к продавцу, но Сюзанна строго осадила меня: «Не выдавай свое нетерпение! Не показывай вида, не демонстрируй свою заинтересованность! Будем время от времени проходить мимо». — «Но ведь кто-нибудь купит!» — шепчу я. — «Не бойся...»

Наконец, подходим. Мужик просит тысячу. «А серьезно?» — вопрошает Сюзанна, когда я уже собрался вынуть из кармана деньги. — «Девятьсот пятьдесят», — отвечает продавец. — «Ладно, Борис, пойдем, слишком дорого». Отходим. Сюзанна мне: «Не мешай торговаться. Мы купим этот пиджак за полцены, если ты не будешь мне мешать». А между тем, мое нетерпение нарастает с каждой минутой. Еще круг. Сюзанна отторговывает еще сотни две. Наконец, пожалев меня, вступает в завершающую стадию торгов: «Шестьсот!» — говорит продавцу. — «Шестьсот пятьдесят!» — отвечает тот.

По рукам, и мы довольные выбираемся из густой базарной толпы, едем в Левобережную, демонстрируем пиджак всей студенческой братии. Он мне, иногда друзьям по общежитию, а в последующем и тестю пенси-

онеру служил много лет, сохраняя изысканный вид и форму.

В сильной мере развитию романа поспособствовало и то, что в наступившие летние каникулы 1945 года, когда институт, его общежитие опустели, мне не удалось уехать домой: с трудом заработанные и скопленные на железнодорожный билет деньги кто-то умыкнул из моей тумбочки. Пришлось предпринять титанические усилия, чтобы найти халтурку и вновь заработать деньги. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Наши с Сюзанной встречи обрели систематический характер.

Лишь в конце августа удалось уехать в родной Улан-Удэ, прижать к сердцу маму, тетюшек, сестер и братьев, пообщаться кое с кем из моих одноклассников. Как было приятно подышать пряным воздухом отеческого гнезда! Порадовался вместе со всеми окончанию 3 сентября 1945 года близкой от нашего дома войны с Японией. Она имела особое значение для мамы и тетюшек, поскольку от нее протягивалась незримая нить памяти к японской интервенции Читы в годы гражданской войны. Им — коренным читинкам — выпало немало выстрадать в тот период. Но как истинно христианские души, зла они на граждан страны восходящего солнца не держали, помогали чем могли (хлеб, картофелины, суп) забредавшим в район нашего дома изможденным японским военнопленным...

Едва вернувшись в институт, я встретился с Сюзанной, она ввела меня в родительский дом. Познакомила с семьей интеллигентных, образованных, духовно открытых, жертвенно-щедрых, но одновременно и довольно безалаберных, философски отрешенных от быта людей. Я пришелся ко двору, особенно благоволила мать Сюзанны; она сразу начала меня опекать, оберегать от физических нагрузок, опасаясь, что от них могут разойтись послеоперационные швы. Меня признал даже грозный пес-боксер Нартон, не знавший ранее компромиссов с новичками, входящими в дом.

Цепочка закономерных событий завершилась тем, чем и должна была завершиться: после одного из спектаклей мы робко объяснились и не вернулись в общежитие, решив пожить вместе, привыкнуть друг к другу. Когда поняли, что вдвоем лучше, чем порознь — поженились. Вскоре, уже в начале 1946-го, подкопив денег, а главное продуктов (еще действовала карточная система), мы организовали в своей 16-метровой комнате в квартире тестя студенческую свадьбу.

Едва забрезжил рассвет, как вся ватага гостей, рванула на Ленинградский вокзал, рассчитывая успеть на занятия. Путанно объясняли причину незнания «урока», которая в конечном счете свелась к фразе «мы были на свадьбе у Бачалдина...». Когда подобный пароль стали использовать чуть ли не все курсы и группы, преподаватели, начиная практические занятия, задавали вопрос: «Вы подготовились или тоже были гостем Бачалдина?». Долго еще эта байка гуляла по МГБИ.

Беспокоила мысль — как отнесутся к моему браку, моей жене в

Улан-Удэ. Летом сорок шестого представился случай это узнать: к нам отважилась приехать сестра Тамара, самая боевая в нашей семье, можно сказать — ее опора и лидер, жизнерадостный и жизнестойкий, очень открытый, добрый и абсолютно бесхитростный человек. При встрече на Ярославском вокзале Тамара просто, без малейшего смущения, словно всегда была знакома с Сюзанной, вступила в оживленную беседу с ней. Молниеносно завязавшиеся между ними дружеские, родственные отношения выдержали многолетние испытания.

Визит сестры вышел за рамки единичного семейного события, проторил тропу для множества будущих вояжей. Дом на Трубной, живший прежде обособленной жизнью, стал небывало популярным не только среди моей многочисленной дальневосточно-сибирской родни, моих друзей, но и среди знакомых моих родственников и моих друзей. Отправляясь куда-нибудь через Москву, они полагали за честь навестить нас с Сюзанной, располагавших «хоромами» в 16 кв. метров, переночевать или даже недельку пожить. Нередко в дверь звонили незнакомые люди и в ответ на наш недоуменный взгляд сообщали: «Вы нас не знаете, но нас знает Тамара Николаевна. Мы переночуем у вас».

С переездом Сережи в Москву в 1966 году, доля забот по гостеприимству перешла в его дом. Случалось, часть хабаровских родственников оставалась у меня, а другая — у него. Характерно, что как только после марта 1953 года страх в народе поутих, меня в Москве разыскали почти все родственники, оборвавшие связи с нашим семейством после ареста отца в январе 1935-го.

В житейской обыденности существенным было мое пребывание в НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского осенью сорок шестого. Попал я туда по настоянию его ведущих ученых-хирургов, взявшихся подправить результаты операции, выполненной в полевых условиях. К сожалению, операция не имела универсальных положительных результатов. С конца сороковых началась новая жестокая болезнь — язва двенадцатиперстной кишки, завершившаяся в пятьдесят четвертом прободением и девятимесячным пребыванием в различных больницах. Трудно давалась диета. Пять лет — абсолютный сухой закон. Излечили меня почти подпольные по тем строгим временам гомеопаты. Помог мой педантизм: я ни разу не нарушил график приема шариков из четырех коробочек и не сбился в счете этих шариков. Если лечиться, то без халтуры!

У «Склифосовского» пробыл три недели. Каждый вечер приходила Сюзанна, угощала в пределах диеты вкусеньким, подробно информировала о домашних и институтских делах. Но центральной темой бесед, а главное дум, было наше будущее дитя. Я был уверен, что нас ждет встреча с озорным Колькой, которого я непрестанно рисовал во всех блокнотах, тетрадах во время лекций. Вопреки моему прогнозу родилась дочь. Это ра-

достное событие предопределило течение всей нашей и совместной, и раздельной жизни с Сюзанной.

Словно это было вчера, помню до мелочей, как мы с сестрой Сюзанной Инной на такси отвезли жену в знаменитый родильный дом им. Грауэрмана на Арбате, как мы успокаивали ее, шутили, старались унять собственное волнение. Не спали ночь, а чуть свет раздался радостный клич Инны: «Борька! Девочка! Поздравляю! Выбирай имя». Было утро 27 ноября 1946 года. А через неделю роддомовская нянечка вручила мне в мягком розовом одеяле курносенький, посапывающий, хорошенький беленький комочек.

Боясь нанести увечье, осторожно беру свое дитя на руки и навсегда влюбляюсь в него, хотя оно и не Колька. Едем домой. Это крохотное существо надолго завладевает всеобщим вниманием, полностью изменяет характер, ритм, атмосферу дома на Трубной. Ребенка полюбили все домочадцы, включая собак, которых, видимо поэтому, дочка никогда не боялась. Через несколько недель можно было наблюдать такую живописную картину: на широкой супружеской кровати тещи и тестя, удобно разместившись, сладко спят трое — Людмила Николаевна, наша дочка Наташа и пес-боксер Нартон. В такие мгновения Сюзанна получала возможность что-то поделать по дому, отдохнуть, вздремнуть.

Не было в тот период большего счастья, чем спешить домой, чтобы пообщаться со своим лучшим творением. Едва возвратившись из института, постирав пеленки, развесив их в кухне над газом, помыв руки и согрев их все над той же газовой плитой, я нетерпеливо устремлялся к кроватке младенца и непременно обнаруживал что-то новое в мимике, улыбке. Ребенок получился некрикливым, спокойным, располагающим. Многократно я пытался графически зафиксировать эволюцию развития дочки, все новых и новых выражений доверчивого личика. Но это оказалось чрезвычайно сложно. Она не поддавалась достойному изображению, мне не доставало таланта и мастерства, а фото первых месяцев жизни сделать не удалось. Пытался я изобразить Сюзаннино материнство, кормление ребенка, но и с этим не справился.

Счастье материнства и отцовства сопрягалось с банальной изнуряющей заботой о хлебе насущном. Хватались за любую подвернувшуюся библиотечно-библиографическую или графическую работу (калькирование чертежей, фоторетушь, изготовление эскизов оформления небольших магазинов и т.д. и т.п.). Немало мы тогда натерпелись от работодателей, виртуозно нас надувавших, обсчитывавших или вообще скрывавшихся от оплаты выполненного труда. Но и с такими заработками было непросто. То густо, то пусто. Как-то, воспользовавшись советом наших студенток, заглянул в местком, ведавший распределением материальной помощи. Обращаюсь к его председателю-старшекурснице: «Недавно я стал отцом. Не

мог бы я получить ордер на материал для пеленок?» — «Нет! Вот если бы ты родил, то получил бы ордер».

Посрамленный таким афронтом, я больше ни разу за все годы учебы в местком не обращался. Но заместитель ректора по административно-хозяйственной части Батуашвили (припомнил только фамилию) отметил меня за активную общественную работу следующей запиской в отдел рабочего снабжения: «Отпустыт один пара обув». Мои сокурсники до сих пор вспоминают этого человека добрым словом. Я тем более, хотя он, подписывая мои счета на оплату произведенной работы (изготовление таблиц, макетов наглядных пособий, праздничных лозунгов и т.п.), неизменно произносил: «Лубая половына!» Это означало, что если по расценкам сумма составляла, скажем, 500 рублей (а это не одна бессонная ночь), то он отдавал распоряжение бухгалтерии выдать 250. Спорить не приходилось.

Как я ни пытался уберечь Сюзанну от чрезмерных перегрузок, заставить чаще отдыхать, у меня ничего из этого не получалось. В труде она не знала меры. Работала всегда заинтересованно, неистово, увлеченно, упиваясь процессом, и, главное, добиваясь результата.

Так, в 60—70-е годы, фактически будучи идеологом пропаганды сельскохозяйственных знаний в библиотеках России, возглавляя это направление, она — исконно городской человек прошла всю технологическую цепочку агропромышленного труда, освоила многие его приемы. Она научилась доить коров с помощью аппарата «Елочка». Она личным примером доказывала, что библиотекарь не может успешно обслуживать селян, если не знает их труда и жизни. Оставляя семью, моталась по сельским районам, искренне веря, что помогает повышать урожайность, надои. Сюзанна заслужила уважение многих сельских библиотекарей и сотрудников сельскохозяйственных отделов областных, краевых и республиканских библиотек. За помощью к ней обращались специалисты и руководители библиотечного дела, культуры, информатики.

Характерно, что свою трудовую неистовость Сюзанна передала нашей дочери. Наташа (преподаватель истории), как и мать, готова забыть дом, чтобы отдать свое время, знания, душу ученикам.

Мое поколение пережило множество денежных реформ, запомнив из них лишь какие-то драматические или юмористические моменты, обусловленные соответствующими эпизодами российской истории. Врезался, скажем, в память такой эпизод. В какой-то из дней на рубеже 20—30-х годов мы, малышня, высыпав поутру во двор, обнаружили летающее на ветру, осевшее на земле большое количество дореволюционных ассигнаций. Здесь были и царские дензнаки с портретами Екатерины II, Александра III, и керенки, и еще какие-то бумажки. Вот уж поиграли мы и в магазины, и в базар, пока кто-то из взрослых не собрал все ассигнации и не нашел им какое-то применение. Может быть, сдал в музей. Нечто подобное произошло

и в ноябре 1947 года. Тогда в СССР были отменены карточки на продовольственные и промышленные товары, а по денежной реформе десять старых рублей стали соответствовать одному новому. Прекратилось хождение старых денежных знаков, которыми население (в том числе студенты) оклеивали отхожие места, украшали помойки.

По нам с Сюзанной та реформа прошла особенно ощутимо. Радясь, впервые полученной небывало большой сумме от подряда на транспортную библиотеку НИИ торговли и общественного питания, мы проигнорировали прокатившийся накануне по городу слух о предстоящей реформе. А слухи, общеизвестно, у нас беспочвенными не бывают. Накануне официального объявления реформы столица буквально была запружена толпами людей, скупавших все подряд, опустошавших все прилавки. И вот, когда магазины и рынки были очищены от всех товаров, по радио объявили о введении новых денежных знаков. Естественно, кто не успел накануне, тот опоздал навсегда. Мы были в их числе. Успев с вечера купить два литра молока и плохонькие тапочки, наутро, прослушав радио, поняли: мы банкроты, наши пять тысяч стали пятью сотнями, на которые уже не разгуляешься, тем более что все товары и продукты исчезли с полок. Сколько же тогда родилось анекдотов, например: «Вы как пережили реформу?» — «В целом отделался легко. Купил кресло!» — «Это же замечательно, когда кресло в доме». — «Да! Но оно гинекологическое!» — «А...» — «А как у вас?» — «Я успел купить костюм!» — «Отлично!» — «Водолазный!»

Короче, хорошо, со вкусом поработали, прослезившись, повеселились. В семье Сюзанны был культ анекдотов, шутки. С ними легче переживались тогдашние неурядицы. Для нынешних — противоядия нет. Никакой юмор не спасает... А может, юмор стал не тот?.. Нет, мое поколение не разучилось смеяться, иначе мы не дожили бы до нынешних времен.

Не менее бурным и динамичным, чем наш, был роман моего друга Дмитрия Жаркова с Лялей Колобовой. Поженившись, они сразу же столкнулись с житейскими трудностями и большой бедой — их родившийся в 1947 году в Улан-Удэ сын погиб. Пережить горе им помогли возвращение в институт, усиленный труд, обусловленный сдачей экстерном экзаменов, «обрубанием хвостов». В этом по доброте душевной им много помогал Л.А. Левин, успешно договариваясь с преподавателями о встречах, иногда на дому, на даче.

Были они — Ляля и Дима — молодые, любили друг друга, верили во все доброе, и случилось то, что должно было случиться: в июне 1948 года, когда в разгаре были госэкзамены, героическая Елена родила дочку Галю, а через семь дней, презрев требования медицины, вернулась в институт и на отлично сдала все госэкзамены. Дима приносил дочку в институт на кормление. Все экзаменующиеся помогали ему нянчиться в коридоре, пока Ляля отвечала. Потом он шел сдавать экзамен. По окончании институ-

та семья отправилась на родину в Улан-Удэ — работать, растить и воспитывать дочь.

Многие годы моя московская семья пригласовала с Леной Гар-Ломоносовой. В студенческую пору она нежно и умело нянькалась с моей дочкой. В свою очередь мы приняли большое участие в ее судьбе. Так вот эта Елена Гар, ленинградка-блокадница, интеллигентка, умница, отличница в конце последней сессии, за месяц до госэкзаменов, исчезла. У девушки приключился роман с немолодым профессором математики. Театр, консерватория, кино, ипподром и, Бог знает, какие еще места, а главное сам избранник, так закружили девушку, что она напрочь забыла и об экзаменах, и о дипломе. К ним она больше никогда не возвращалась. Зажили супруги счастливо. В годы, когда наука была престижна и финансируема, у профессорской жены все было отлично. А хлопоты в связи с рождением ребенка, болезни, смерть мужа — это уже потом...

Деньги по декретному отпуску, моя стипендия и солдатская пенсия (уменьшившаяся в связи с изменением группы инвалидности до 90 руб.), случайные заработки — все это было меньше прожиточного минимума. И все же, когда выпадала возможность подработать, мы иногда непрочь были шикануть. Каталогизируя фонд библиотеки Дома журналистов, позволяли себе, еще не выполнив вечернюю норму, сбежать на концерт или зарубежный фильм, не выпущенный на общий экран, посидеть в ресторане... Но в душе-то я постоянно терзался. Понимал, что семейный мужчина обязан иметь прочный и стабильный, а не эпизодический заработок.

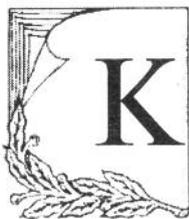
Мы воспряли духом, когда Сюзанна в марте 1948 года была приглашена на должность старшего референта Союзной справочной редакции Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), а я в октябре этого же года был зачислен на должность старшего библиографа Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН) АН СССР.

Сюзанна упивалась и работой, и тем вниманием, которое молниеносно обрела. Глаза ее светились, лучились, когда она рассказывала, какие сложные и запутанные справки выполняла по заданию руководства, как благосклонно к ее усилиям отнесся сам директор ТАСС, какие интересные, эрудированные, умные и душевные люди ее окружают. А мужчины какие! С немалым упоением делился и я первыми впечатлениями о работе в ФБОН. С годами эти впечатления только крепили и никогда не меркли.

СМЕШАЛИСЬ ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ, СЛУЖЕБНЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ

Как хорошо, когда человеку 20—30 лет! Он в непрерывном движении, к чему-то стремится, находит для себя множество занятий и дел, все успевает. В таком возрасте проявления ума, сердца, всего организма гармоничны. Стремись к тому, чтобы как единое целое реализовались и служебное, и личное — и работа, и дом. Они неразделимы, взаимосвязаны, взаимозависимы. Естественно поэтому от общественной, служебной жизни вновь обратиться к эпизодам личной.

Прежде всего, я купался в счастье, общаясь с бурно развивавшейся Натали (так называла свою внучку моя теща). Сколько нового, неожиданного подготавливал наш младенец к возвращению родителей с работы. Улыбки, смех, все новые и новые гримаски. Первый лепет. Первые междометия, умилявшие всех в доме. Первые слова, а затем и первые шалости, от которых неразумный отец впадал в экстаз, млея, полагая, что такое способно продемонстрировать только его необыкновенное дитя.

А какое наслаждение купать, поначалу пеленать, а затем и облачать ребенка, натягивая рейтузы, втыкая его в валенки или сапожки, укутывать в шубейку и прочие одежды! Вот что мне никогда не удавалось, так это прилично заплести косички.

Маленькая Наташа — любимица дома — нередко всех его обитателей собирала по вечерам. Когда она стала делать первые шаги, мы по периметру комнаты раскладывали группками книжки и карандаши, нитки и грибок для штопки, веники и щетки и т.д. и устраивали ей первые экзамены по «профориентации». Потоптавшись в центре комнаты, осмотревшись, она почему-то чаще всего направлялась в книжно-карандашный угол. Сюзанна огорчалась: «Еще один библиотекарь...» Иногда дочка топала в сторону кастрюль и поварешек, но всегда игнорировала нитки, лоскутки.

Ребенок быстро подрастал. Требовал все возрастающего внимания, а мы с Сюзанной, занятые на основной и дополнительной вечерней работах в московских библиотеках, вынуждены были передоверять свое чадо очередным няням. А они были разные. Одна, к примеру, так зафлиртовалась, что не заметила, как ребенок миновал двор, пересек Трубную улицу, побрел по переулку и в конце концов очутился в милиции. Спасибо, какая-то до-

брая душа отвела туда девочку, увидев одну на улице. Когда я, схватив такси по звонку сестры Сюзанны, примчался домой, Наташа уже сидела за столом и уплетала обед. Дочь в том возрасте не испытывала страха, активно общалась с миром, особенно собачьим, лишь однажды «обидевшись» на собаку, которая «толкнула» ее в сугроб.

Едва дочка подросла, мы начали активно выводить ее в свет. Она до сих пор помнит «Синюю птицу» во МХАТе, «Евгения Онегина» в театре Станиславского и Немировича-Данченко, знаменитого клоуна Карандаша в цирке.

Частенько Наташа вела Сюзанну в ФБОН встречать меня с работы или вела меня в ТАСС к маме. Однажды, подойдя к бровке бульвара напротив центрального подъезда ТАСС, мы остановились в ожидании зеленого светофора. И вдруг Наташа, увидев в открывающейся двери маму, с криком: «Бежу, не упаду» бросилась к ней. Уже перед мчащимися автомобилями я догнал ее и с испуга врезал ребенку по попе. Радость встречи померкла. Ребенок плачет. Я терзаю себя за потерю бдительности. Сюзанна ругает меня за неумение ходить с ребенком по улицам. Еще больше я себя ругал за то, что не сдержался и ударил ребенка. Это был первый и единственный раз. Как и у отца, в моей системе воспитания физические наказания были полностью исключены.

В доме на Трубной царил культ хорошей книги, которая здесь никогда не была предметом интерьера, а служила целебным источником, задавала тон семейным беседам и дебатам. У каждого члена семьи был свой любимый автор. Никто никому не навязывал свои пристрастия, хотя Павел Семенович не понимал моей увлеченности Горьким, поощрял «дружбу» с Чеховым. Мы сами купили, а друзья надарили столько детских книг, что ими можно было бы полностью обеспечить любой детский сад.

Кстати, «треугольник» ФБОН (администрация, партком, местком) добыл для моего ребенка направление в детский сад Академии наук в центре Москвы, на улице Горького (ныне Тверская). То было замечательное учреждение с уникальным персоналом педагогически и психологически образованных, душевно заботливых воспитательниц. Неожиданно выяснилось, что мы с женой проворонили, доверившись няням, обучение своего чада культуре питания, не заметили, что, кроме хлеба во всех видах (сайки, сдобы и т.п.), картошки, впоследствии мороженого, дочери ничего не надо. Какие же требовались титанические усилия воспитателей детсада, чтобы Наташа ела рыбу, молочные продукты.

Помню, мы втроем — Сюзанна, Наташа и я — побывали в зоопарке, изучив его комплексно: звери, птицы, бублики, мороженое... Вернулись домой поздно, усталые. И все же решаю проверить, каков эффект приобщения к природе: «Дочка! Что тебе больше всего понравилось в зоопарке?» — «Бублики, папа!» — осталась она верна себе. Осталась верна себе и в

дальнейшем. Например, когда она закончила 11-й класс, мы с ней поехали отдохнуть в подмосковный дом отдыха. Кормили там претотменно. Особенно было вкусно фирменное блюдо — рыба в кляре. Наташа даже ни разу не попробовала. Мои уговоры были тщетными.

После 1948 года мне не удавалось слишком часто выбираться к родным в Улан-Удэ. Поэтому регулярные посещения нашего дома сестрами, братом, школьными друзьями были для меня желанными событиями, согревавшими душу. Особенно радостной оказалась очередная командировка в Москву ранней весной 1952 года Димы Жаркова. С ним приехала моя мама. Совсем седая, сильно сдавшая, но героическая великомученица: ведь она даже в молодости не ездила в восточном направлении далее Читы и Нерчинска, а в западном — Иркутска. Но одержимая большой целью — благословить брак сына и крестить внучку (она привезла сохранившийся мой золотой нательный крест), решила на длинную и неведомую дорогу.

Увы, я наотрез отказался крестить дочь. То была глухота и слепота, не знавшие компромисса. Я лишь позволял себе сопровождать маму в ближайшую действующую церковь в Телеграфном переулке. Пока мама молилась, я ждал ее во дворе церкви.

Маме, приехавшей в Москву из республики, в которой были порушены все дореволюционные храмы, церковь в Телеграфном очень нравилась. Она к походу в нее как-то одухотворенно готовилась. А я с комсомольским тупоголовием искал и предлагал маме альтернативные варианты: поход в кино на фильм о 1919 году, прославлявший воинские доблести молодого Сталина под Петроградом, или в Музей им. А.С. Пушкина на выставку подарков товарищу Сталину.

Спокойная, немногословная, с тихим голосом, в отличие от обитательниц Трубной, мама тепло была всеми принята. Незаметно она вписалась в наш повседневный быт, покорила своим трудолюбием, вкусоностью своих разнообразных блюд. К сожалению, Наташу — этого маленького чертенка — не удавалось соблазнить никакими блюдами. Мама мучилась, справедливо полагая, что это плоды нашего московского воспитания. Из-за вечной занятости, да и что греха таить — лени, я не фиксировал регулярно самые интересные детские высказывания Наташи, реплики, вопросы. В памяти сохранилось немного. В три-четыре года, увидев впервые на даче козу, Наташа неожиданно воскликнула: «Клюнечка!!! Клюнечка хочет воды!» Откуда такое неожиданное и благозвучное слово — клюнечка — мы так и не догадались никогда, хотя перелистали все книжки, которые ей читали. Или: едем с двухлетней дочкой в троллейбусе, смотрим в окно. Вдруг она восклицет на весь вагон: «Смотри, смотри, папа! Сколько милиционеров! Целый пуд!» Думаю, такая оригинальная единица для измерения массы милиционеров опередила время: сейчас милицейская форма не в состоянии скрыть ни воловьей шеи, ни рвущегося из-под ремня живота.

Примерно тогда же едем в троллейбусе, пересекая площадь Свердлова (Театральную). Наташа у меня на руках. Жарко. Толкаются и ругаются нещадно. Дочь малость хандрит, просится на улицу. Использую излюбленный педагогический метод, начиная просветительскую беседу: «Вон там, Наташенька, Большой театр, а вот сейчас подъезжаем с тобой к Малому». — «А где Средний, папа?» — резонно включается она в беседу.

Вернувшись вечером из детского сада, Наташа оповестила: «Ой, папа, Юру остригли налысо».

Промелькнули годы, наступила пора испытаний. Среди главных — разлад между тестем и больной тещей, ее уход из жизни, начало малопривлекательных ребенку папиных опозданий с работы, драматизм смены места работы нежной, но всегда занятой мамы, смерть полюбившейся тихой, терпеливой, заботливой бабушки из Улан-Удэ, где она выпестовала семерых детей и пятерых внуков.

Космополитизм. Одно дело, когда он обсуждается за чаем на кухне, на уровне слухов о гибели и гонении великих артистов. Совсем другое, когда он вторгает в твою жизнь, когда связанные с ним гонения коснулись твоих близких, коллег, знакомых с еврейскими фамилиями (З.С. Шапиرو, А.М. Бочевер и др.).

К июню 52-го кадровики ТАСС докопались, что С.П. Бачалдина в девичестве — Юшкевич. Докопавшись, сочли за благо «очистить» штат этого не только и не столько информационного, сколько идеологического партийно-правительственного учреждения. Жена моя Сюзанна, как и другие товарищи по несчастью, была уволена с лицемерно-хитрой формулировкой «в связи с реорганизацией отдела».

Сюзанна остро переживала несправедливость увольнения. Была очень обижена, недоумевала: «Как же так? Ведь меня ценили, у меня учились, заимствовали мои знания, опыт. Меня многократно хвалил сам директор ТАСС. Меня уволили, а зеленые девчонки, которых я с таким усердием обучила азам справочно-библиографической работы, остались...»

Уже в июле Сюзанна устроилась в Московскую областную библиотеку, которая размещалась тогда на Арбате в здании нынешнего ресторана «Прага»¹. Последовательно проработала там старшим библиотекарем книгохранения, библиографом научно-методического и библиографического отдела по сельскохозяйственной литературе и в ноябре 1956 года была переведена на должность старшего научного сотрудника ГБЛ.

Если бы Сюзанна умела трудиться, как большинство, — «от сих до сих», она могла бы, покинув ТАСС — учреждение с сумасшедшим круглосуточным режимом, ночными дежурствами, больше уделять времени и сил дому, быту, а главное, дочери. Но наша стихия — общественная жизнь, служебные дела. Теперь-то я отчетливо осознаю, чего мы с женой недодали нашему ребенку именно тогда, в раннем детстве, когда ему нужны были

родительские интеллектуальные ресурсы и тепло, а не очередные полуграмотные няни. И можно только благодарить судьбу, что наша дочь выросла, вошла в жизнь и остается поныне хорошим, добрым, душевным, заботливым человеком, что она доставила нам немало радостных минут. Правда, оказалась не очень защищенной от мерзостей бытия.

А тогда, в пятидесятые, пережив потрясение от потери двух бабушек, Наташа через несколько дней после похорон моей мамы, подсев ко мне, деликатно, по-детски, выразила сочувствие: «Папа! Тебя в Улан-Удэ будут ругать за бабушку?» Она имела в виду — за то, что я не уберег маму.

Как же чутко, тактично, интимно, выждав удобную минуту, когда мы остались вдвоем, ребенок сказал мне то и о том, что мучило мою совесть и душу. Как я тогда и десятилетия после ругал себя за трагическое легкомыслие. Мне следовало водить маму не в музеи и на выставки, не на осмотр вновь открытых станций метро, а к хорошим врачам, потому что ее изношенный тяжелой жизнью организм требовал систематического врачебного наблюдения. За семь месяцев пребывания в Москве мама ни разу не пожаловалась на плохое самочувствие. Ничто с вечера не предвещало беды. А в ночь на 7 сентября 1952 года мама скорпостижно скончалась на шестьдесят втором году жизни от кровоизлияния в мозг.

Проводили мы ее по-православному. Отпели в церкви Старообрядческого кладбища. Там и покоится ее прах в соседстве с другими нашими московскими родными.

Трудно, ой как трудно было вновь вернуться в наезженную, будничную колею, в житейскую круговерть. К счастью, труд помогает разгибаться, восстанавливать энергию, силы. Я сознавал свою ответственность перед близкими, прежде всего, дочерью, которую надо было растить, развивать, кормить, воспитывать. К тому же не мог я — коллективист с пеленок — исключить себя из общественной жизни. И ныне меня смешат признания с экрана телевизора тех стариков — моих сверстников, которые уверяют, что они никогда не были ни комсомольцами, ни партийцами, умели избегать активной работы, поручений по линии партии и комсомола, всегда были в оппозиции к ним. Не стану уподобляться таким героям, с ловкостью политических фокусников отрешивающихся от своего прошлого, своих дел, истории, личной биографии. Я был нормальным комсомольцем, вкалывал, как мог, загруженный обязательными и контролируемыми в те времена общественными поручениями (нередко в ущерб семейному благополучию). Много часов у меня уходило на работу над докладами и сообщениями по международным темам на комсомольских собраниях, на подготовку к занятиям в системе партийно-комсомольской учебы.

По рекомендации комсомола дирекция библиотеки поручила мне чтение лекций и проведение практических занятий для молодых сотрудников о структуре и организации библиотечной сети Академии наук СССР. С

отрывом от производства меня направили на общегородские курсы по гражданской обороне с тем, чтобы полученные знания и навыки я донес до сотрудников библиотеки, принял у них зачеты, выставил оценки. Я отнесся к делу старательно, серьезно, но до сих пор не могу без иронии вспомнить некоторые эпизоды тех экзаменов, явно не лишенных элементов идиотизма, бессмыслицы.

Комсомол ФБОН проголосовал за включение меня в состав редколлегии стенгазеты «На службе науке». И этому эпизоду суждено было сыграть исключительную роль в моей личной жизни, о чем я расскажу в отдельной главе.

С нынешних позиций прагматизма все то, что мы, тогда молодые библиотекари, проделывали, не шадя себя и друг друга, может показаться зряшным, ненужным идеализмом. Да, в наших поступках и мыслях немало было наивного, особенно веры в идеалы светлого будущего. Но ведь этот наив поколения, прошедшего через горнило Великой Отечественной, зиждился на нравственной чистоте. Оно было трудолюбиво, ценило дружбу, коллективизм, взаимопомощь. Конечно, в той комсомолки кто-то был тщеславен, кто-то оказался и стукачом, но я таких несчастных не знал. Словом, та фэбэоновская комсомолка мне и поныне представляется как активная, нравственно чистая, творчески действенная сила, которую из биографии не вычеркнешь.

Конечно, отношения с сотрудниками ФБОН складывались не только по деловой или общественной линии: завязывались и чисто человеческие контакты. Я дружил, например, с Флавием Шевяковым. Он, хлебнув режимного и фронтового лиха, остался жизнелюбивым юношей, склонным к богемности. Высокий красивый блондин, стройный, галантный, Флавий располагал к общению. Был любителем женщин, но еще больше — субъектом безраздельного внимания. Я их понимал. Он и в работе был легок, не делая из нее культа. Свободно владея английским, он успевал раньше всех обработать очередную партию литературы по философии, пообщаться с коллегами, а когда звонил звонок, извещавший о конце рабочего дня, он первым покидал здание ФБОН, провозглашая: «Нельзя опаздывать с работы».

Мы бывали друг у друга дома. Немало выполнили совместных графических работ (тексты для книжных выставок, диаграммы и плакаты для семинаров, совещаний академических библиотек). А вообще-то Флавий метался, искал себя. Пользуясь авторитетом в ФБОН, он отверг библиографическую стезю и подался в геологическую разведку. Так разошлись наши пути-дороги.

Мы с Сюзанной постоянно находились в поисках дополнительных заработков. Это всегда противно, но в молодости особых изъязнов самолюбия не наносило. Зато подобные поиски расширили наше профессиональ-

ное окружение, выводили на знакомство с множеством интересных людей. По договорам мы работали по вечерам и в выходные дни каталогизаторами, редакторами и консультантами у каталогов в библиотеках ЦК ВЛКСМ, Министерства иностранных дел и в других учреждениях. Постепенно мы проторили дороги в ведущие информационно-библиотечные центры столицы: ГБЛ, Книжную палату, ГНБ, НБ МГУ, ГПИБ. Своеобразным и довольно продолжительным, где бы мы впоследствии ни работали, оказался роман с ЦНСХБ, зародившийся случайно. Как это было?

Решив во время первых аспирантских каникул подработать, я подал анкету в Книжную палату. Не получив за две недели вразумительного ответа, продолжил поиски счастья. Они меня вместе с трехлетней дочкой привели в Орликов переулок, в ЦНСХБ, в редакцию фундаментального специализированного продолжающегося с 1930-х годов указателя «Сельскохозяйственная литература». Никого не знаю я, никто не знает меня. Я представился даме, стол которой располагался рядом с входной дверью, попытался объяснить причину визита. Но она почему-то громко повторила мою редкую фамилию. И тут безучастно внимавший нашей беседе мужчина у окна вдруг встрепенулся: «Бачалдин! Подойдите». Подходим с дочкой к его столу. Знакомимся. Оказывается, это руководитель издания, знаменитый библиограф и краевед Анатолий Николаевич Турунов (1893—1954). Его имя запомнилось мне с институтской скамьи как имя одного из создателей библиографических и энциклопедических трудов по родным мне местам — Сибири и Бурятии.

Впервые моя редкая фамилия сослужила мне добрую службу. Выяснилось, что когда-то А.Н. Турунов учился с моим дядей (по отцу) в Томском университете. Это и предопределило положительный результат нашего знакомства: «Приходите завтра! Будете работать «свежей головой» — читать набор, верстку, чистые листы нашего издания».

Я согласился не раздумывая. Два с половиной месяца я до одури читал и правил набор, верстку, чистые листы. В общем-то это был привычный для меня труд, освоенный в ФБОН. Но в ЦНСХБ по библиографическим описаниям, аннотациям, вспомогательным указателям я постигал премудрости нового для меня агропромышленного комплекса, обрастал специальной терминологией, специфическими понятиями, что очень пригодилось в будущем. При чтении верстки я наковыривал ежедневно предостаточно и смысловых ошибок, и технических опечаток. Одна из них пополнила коллекцию моих профессиональных анекдотов. Аннотация, венчающая очередную библиографическую запись, гласила: «О двойном покрытии свиноматки при участии академика Л.К. Гребня». По недосмотру библиографинь слились воедино две аннотации: первая — о содержании статьи, вторая — об участии в ее подготовке ученого.

Я еще несколько лет сотрудничал с ЦНСХБ. На базе обязательного экземпляра ФБОН подготавливал и отвозил А.Н. Турунову библиографи-

ческие описания по коневодству. Вместе с библиографами и методистами участвовал в проведении семинаров, подготовке документов и т.д.

Тем временем дочка подрастала, и мы частенько затевали разговор о школе. Наташа неизменно говорила, что не хочет переходить в школу, она любит свой детсад, добрую заведующую, воспитателей. Уже тогда она была односторонне, прикипала к кому-то или чему-то.

И вот волнующее утро 1 сентября 1954 года. Ясное бирюзовое небо. Толпы оживленно беседующих родителей, бабушек и дедушек с букетами цветов, перекочевавших с Центрального рынка к подъезду средней школы № 234. Чинно кучкующиеся старшеклассники. Живописная малышня...

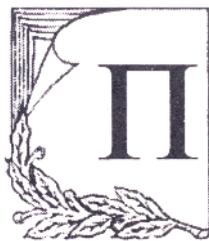
Счастливые от сознания, что вводим свое чадо в эту торжественно-праздничную атмосферу, продолжаем уверять Наташу, как ей будет хорошо и интересно в школе. Не без труда, оторвав от себя, мысленно произнеся «в добрый путь», подводим ее к немолодой и, как потом оказалось, очень мудрой и доброй учительнице Марии Ивановне Хворостовой. Мы с Сюзанной никак не думали, что тот сентябрьский день предопределяет профессиональное будущее Наташи, и она станет педагогом.

С каким же нетерпением мы ждали окончания первых в жизни ребенка уроков. Не пошли в тот день на работу. Сюзанна тщательнейшим образом накрывала на стол. Я же задолго до звонка появился в холле школы, и когда увидел сияющее довольное лицо спускающейся по лестнице дочери, услышал ее радостное восклицание: «Папа! Мне понравилось! Учиться интересно!», воспарил счастливой мыслью до небес.

ЗАВЯЗЬ СЛУЖЕБНОГО РОМАНА

о-разному зарождаются супружеские отношения. И чрезвычайно сложной, затянутой, подчас драматичной их разносторонностью представляется мне служебный роман. У каждой пары он протекает по-своему, но у всех с неперменным набором мук и ухабов, советами «доброжелателей», вмешательством общественности. На служебный роман идут чаще зрелые люди, готовые пройти через все испытания, включая партком и горе самых близких.

И хотя моя-то жизнь уже была устроена, я не избежал служебного романа. Виной тому, быть может, особая атмосфера Фундаменталки, собравшей под своей крышей так много обаятельных чаровниц, располагавших не только к умному, интеллектуальному совместному библиотечному труду, но и к прелестям общения. Они формировали основу служебных романов. Часть их завершилась браком во благо отечественного библиотековедения.

Атмосфера — атмосферой. Но она лишь фон, флёр, повод для дальнейшего повествования. А главное действующее лицо — случай...

На узкой внутренней служебной металлической лестнице случайно повстречалась та девушка, которая стремительно летела мимо, не заметив, не ощутив моего присутствия. Я же приостановился, чтобы пропустить зацепившую меня незнакомку, попутно скользнув по ней внимательным взглядом:

Подумать страшно мне теперь,
 Что я не ту открыл бы дверь,
 Не той бы улицей прошел,
 Тебя не встретил, не нашел...

Сей бесхитростный куплет, как нельзя более точно совпадает с моей конкретной судьбой. И в старости я не устаю романтизировать ту лестницу — символ нашего романа, пролог нашей длительной супружеской жизни...

Не сразу, а лишь много времени спустя, я вновь столкнулся с ней на той лестнице. Поклонился и полупшепотом приветствовал: «Здравствуй-

те!». Она столь же стремительно промчалась мимо, но я успел заметить, что на ней уже не служебный бледно-синий халат, а элегантный коричневый костюм.

При дальнейших встречах в голове и сердце выкристаллизовался мой облик незнакомки, с каждой встречей обретавший все новые и новые черты очарования и загадочности. Я допускал, я понимал, что в ФБОН есть и более красивые, яркие девушки. Но во встреченной на лестнице, как мне казалось, ни на кого не похожей, меня с первой встречи привлекли естественность, достоинство, грация, уютность, обаяние. Она удивительно изящно и как-то по-своему носила платья, аксессуары — косынки, шляпки и т.д. Я никогда не видел ее в неглаженном платье или стоптанных туфлях. Она всегда была на высоких каблуках.

Самое удивительное (о чем я не ведал дольше всех), что всё новые и новые костюмы, в которых мне встречалась моя блондинка, она шила (перешивала) сама, вызывая восторг и зависть библиотечных дам. Забегая вперед, скажу, что она всю жизнь, пока глаза видели, совершенствовала свое мастерство. Не жалея денег училась на курсах у профессионального кутюрье, выписывала и изучала журналы мод, регулярно посещала дома моды на Кузнецком и в ГУМе; желая помочь библиотечным дамам, вела на общественных началах кружок кройки и шитья. Уровень ее мастерства, утратив признаки любительства, стал профессиональным. Она с удовольствием создавала наряды не только для себя, но и в подарок своим подругам и их дочкам, не говоря уже о моей Наташе, которой она не только тачала повседневные платьица, но и изобретала карнавальные костюмы и настоящие шедевры ко всем торжественным случаям...

Долго бы еще я пребывал в неизвестности, сгорал от любопытства (кто она? в каком отделе работает?), если б не случай, который помог раскрыть ее инкогнито.

Сижу в Белом зале Фундаменталки, обрабатываю очередную партию литературы и вдруг слышу: «Вы Борис Николаевич?» Прерываю свой библиографический урок, быстро вытягиваюсь, ошеломленно смотрю на девушку и чеканю: «Я самый! Присаживайтесь». — «Спасибо. Постою. У меня короткий разговор. Я редактор стенгазеты «На службе науке» Клавдия Павловна Алексеева. У нас нет постоянного художника, а секретарь комсомольской организации сказала, что вы рисуете и сможете оформлять газету».

Выпустили мы несколько номеров. Они были тепло, заинтересованно встречены коллективом. На них обратили внимание партийно-профсоюзно-комсомольские лидеры. А дальше — стремительно завертелось, пошло развиваться по своеобразной радостной траектории наше сближение. Как-то неожиданно усохла редколлегия, газету мы стали оформлять вдвоем. Поначалу успевали к десяти часам вечера, а когда с од-

ного листа ватмана довели объем до трех-четырёх листов — едва успевали к двенадцати ночи. Иногда, если парторг ФБОН успевала просмотреть газету заранее, мы ее с ночи вывешивали на традиционном месте. Я провожал Клавдию Павловну до дверей ее дома, а затем ночным троллейбусом возвращался восвояси.

Очарованный общением с Клавдией Павловной, сознанием хорошо и честно выполненной работы, я на первых порах как-то и не задумывался о последствиях, не ощущал свое ближайшее будущее, отгонял мысли о сложных последствиях зарождающегося служебного романа. А он развивался стремительно. Будто бы случайно мы оказывались в читальном зале, буфете, на той самой лестнице. Все чаще сталкивались у входа в метро, чтобы от него пройти до порога ее дома; подолгу простаивали возле него, вызывая любопытство и комментарии многочисленных соседей.

Амплитуды отклонений от наших домов и библиотеки стремительно разрастались, становились разнообразнее. Мы досконально изучили все розарии, водоемы, беседки, шезлонги, летний театр парка культуры им. М. Горького. Десятки раз измерили длину набережной реки Москвы, вплоть до Окружного моста, исследовали множество тихих уголков столицы, наивно полагая, что уж в тех-то уголках скроемся от всевидящего ока родного коллектива ФБОН. Однако...

Женский коллектив — явление само по себе прелюбопытнейшее: женщинам непременно требуется знать, как и с кем живет Маша, каковы личные дела у Даши. Обстоятельства других женщины знают лучше, детальнее, чем свои собственные. Хлебом не корми, но Расскажи свежую сплетню или переври старую, дай возможность поучить жить подружку.

Вот и Клава, пока длился наш служебный роман, коллектив, в основном по-доброму относящийся к ней, подружки не уставали наставлять на путь истинный, оберегать от роковой ошибки. Парторг Вера Георгиевна Орлова также активно не одобряла выбор Клавы, стремилась нас развести в разные стороны. Характерно, что и В.Г. Орлова, и самая близкая подруга Клавы Шура, отговаривая Клаву от радикального решения, меня при этом не хаяли. Но столь деликатными были не все. Среди сотрудниц отдела отечественного комплектования находились гораздые поучить свою начальницу, как строить личную жизнь, как от меня отделаться. Особенно были готовы помочь горячим словом партийно-профсоюзно-комсомольские кумушки. Эти женщины, в большинстве своем незамужние, но детные, дружно внушали Клаве, как я плох, беден, некрасив, профессионально бесперспективен, провинциален, не тонок, какие у меня неизящные руки, как легко со мной загубить свое яркое будущее, карьеру, здоровье, молодость. «Доброжелательство» женщин не ограничивалось ваянием моего жалкого портрета и добрыми советами Клаве. Некоторые пе-

реходили к делу, подыскивая достойных женихов и выступая в роли свах.

Нельзя сказать, что столь массивные атаки вовсе не возымели действия. Мы множество раз пытались распрощаться, разойтись, но выдерживали неделю, от силы десять дней и вновь искали встреч, словно что-то там в сердце щелкало, нас интуитивно тянуло, мы стремительно неслись на излюбленные места свиданий, простаивая там часами. В общем, жизнь развивалась от встречи к встрече. Встречаясь, вступали в уютовленную нам судьбой колею (не только счастья, сверх нормы было тревог, размолвок), в колею будущей жизни вдвоем.

Сколько же мы исходили и изъездили вдвоем. Измерили пешком, кажется, всю Москву и Подмоскovie, особенно на лыжах. Дальний зимний подмосковный лес — вот уж поистине отменное место свиданий. Чистейший воздух, голубое небо, девственно белый или синий снег, звенящая тишина, никого вокруг. Разве только встретятся лось, кабан, заяц... И так каждый день помногу километров, пока не закончится срок путевки в санаторий или дом отдыха. Отличный аппетит, отличный сон, никаких прибавлений в весе. И еще доставало сил на вечер для вальсирования.

А каким праздником было для меня посещение музеев, тем более, что, как оказалось, и Клава хорошо разбирается в отечественном изобразительном искусстве. Москва и Подмоскovie в этом смысле — настоящий заповедник. Только не ленись — ходи. Знакомились мы и с мастерством кустарей-одиночек.

А сколько нашему роману дал театр! Его выдающиеся незабываемые корифеи, уже давно покинувшие сей бренный мир.

На мое счастье все мои близкие были большими театрами, любители театр, знали многие постановки. Мы с Наташей до сих пор вспоминаем походы во МХАТ и Музыкальный театр им. КС. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко на Пушкинской улице, на чудесном московском пяточке, где мы бывали частенько: театры, книжные магазины, близость «вкусного» Столешникова, наши друзья Алферовы-Гальперины, лучшее в Москве фотоателье...

И хотя мы с Клавой были завсегдаями многих театров, концертов, по каким-то необъяснимым ассоциациям много лет спустя наша память высвечивала одно и то же. Мы грустили, что кинематографистами не запечатлен на пленку спектакль по трагедии А.П. Глобы «Пушкин» в театре им. М.Н. Ермоловой, где Всеволоду Якуту посчастливилось, на наш взгляд, несравненно тонко, убедительно сыграть поэта. Таким или иным был в жизни Пушкин — одному Богу известно! Но трактовке Якута мы тогда с Клавой поверили, приняли ее всей душой.

И, напротив, мы никак не могли принять в роли поэта М.И. Царева. В зале Малого не было и не могло быть ни одного равнодушного к его божественному голосу, его артистическому мастерству. Однако трудно

было поверить, что этот крупный немолодой мужчина, с усилием поднимающийся с преклоненного перед дамой колена, и есть тот юный озорной поэт одесской поры, которому Е.К. Воронцова внушила волнующее чувство.

Спектаклей, оставивших глубокие зарубки в наших сердцах и сознании, было множество: «А помнишь Андровскую? А Яншина?» — «Варшавскую мелодию?» — «А какая глыба Урбанский?»

И как же обеднела, потускнела с 90-х годов наша жизнь, когда мы из-за болезней лишились театра, консерватории, выставочных залов. Был, конечно, телевизор. Благодарность его создателям! Но телевизор — паллиатив всех разновидностей искусства, как Интернет — паллиатив библиотеки и книги. Мы были счастливы тем, что нам довелось *в натуре, de visu* так много увидеть, услышать, постичь. Третьяковка, Эрмитаж, Русский музей, Пушкинский музей, Дом Чайковского в Клину, Лувр, Музей Родена и т.д. и т.п. И все это в нас, с нами. Это ли не счастье?

На склоне лет мы радовались, нам как-то по-особому дышалось, когда мы вспоминали, что видели и слушали великих мастеров культуры — Софроницкого, Нейгауза, Гиллельса, Рихтера, Голейзовского, Якобсона; сидя на ступеньках Зала Чайковского наслаждались пением Галины Каревой. Нам с Клавой так хотелось, чтобы к нашим потомкам перешло благоговейное отношение к культуре, искусству. Чтобы они стали для наследников реальным духовно-творческим элементом.

Но у каждого поколения своя жизнь! Свои песни! Лишь бы счастье не покидало их в эпоху, в которой им доведется жить...

Итак, выдержав все испытания длительного служебного романа, Клава выбрала все же меня. Но какими гомеопатическими дозами, с какими предосторожностями он развивался. Сразу приняв мои провожания до дверей ее многоквартирного двухэтажного деревянного дома № 25 на ул. Чудовка, Клава только почти через два с половиной года пригласила меня зайти в дом. Понять ее можно. На каждом этаже в коридор выходит 13 дверей, общая кухня. Множество хозяек, острых на язык и с развитыми голосовыми связками. И все же секрет сдержанности Клавы был в другом: она своим выбором боялась разочаровать маму, ибо крепко, без тени сомнения чтит, любила, уважала, берегла ее.

Встречен я был любезно. Старшая хозяйка улыбалась, шутила. Младшая, с трудом утрачивавшая скованность, предпочитала укоротить визит. Что касается меня, то я, помня совет старших: «если хочешь быть приглашенным еще, не затягивай первый визит», выбрал момент и откланялся. Свершилось! Рубикон перейден!

С ФБОН (ИНИОН), с АН СССР в целом Клава была неразрывно связана более сорока лет. В профессиональной среде ее много лет хорошо знали как ученого секретаря библиотеки. А пришла Клава в нее на заре

юности, в 16 лет, закончив семилетку.

С позиций нынешних дней начало в 1936 году карьерной лестницы будущего ученого секретаря выглядит юмористически. Но то время было таким, каким оно было! Чтобы занять скромное место контролера общего читального зала ФБОН, девчонке Клаве Алексеевой потребовалось представить поручительства за ее политическую благонадежность *трех* членов ВКП(б). Три врача-партийца Протезного института, где санитаркой работала мама Клавы, абсолютно не зная ее дочери, но глубоко ценя и уважая маму, пообещали парторганизации и администрации библиотеки в письменном виде, что тов. Алексеева будет достойным строителем социализма. По тем временам это был отчаянно смелый шаг.

А далее карьерная лестница выглядит так: пом. библиотекаря, библиотекарь, старший библиотекарь, главный библиотекарь, заведующая отделом комплектования отечественной литературой, ученый секретарь. Параллельно на ступенях этой лестницы немало сил и времени всегда отдавалось повышению образовательного ценза, совершенствованию профессионализма, разнообразной общественной деятельности. В годы войны — тяжелейшее бригадирство на лесозаготовках и служба на фронте рядовым артиллерийской части.

В ФБОН Клаве посчастливилось работать с выдающимися директорами (Д.Д. Ивановым, В.И. Шунковым, И.А. Ходош), умевшими замечать, видеть труд подчиненных, понимать и ценить их. Вот, например, яркий текст, подписанный И.А. Ходош: «Шестнадцать лет Вы с честью и достоинством несете нелегкие и ответственные обязанности ученого секретаря нашего учреждения. Ваш ясный и спокойный ум, Ваша организованность и собранность, Ваша требовательность к себе и к другим — всем этим Вы заслужили уважение коллектива. Кто сравнится с Вами в искусстве управления большой библиотекой, кто превзойдет Вас в понимании задач научно-библиотечного строительства!»

В этот служебный портрет яркими красками вкраплены знаки внимания и высокой оценки заслуг К.П. Алексеевой главами властных и общественных структур, руководителями Президиума АН СССР, известными учеными и военачальниками, а в последние годы — Президентами России и московским мэром. За честный, ратный, творческий, а главное, результативный труд жена моя заслуженно удостоена двух орденов и других наград. Но ценнейшими из них она почитала медаль «За боевые заслуги», полученную в 1943 году на передовой Великой Отечественной, и как напоминание о 16 октября сорок первого — медаль «За оборону Москвы».

От сказанного, видимо, веет торжественностью, пафосом. Это то самое, что Клава категорически отрицала. И какого труда стоило мне убеждать ее, что высказываемые в ее адрес похвалы, во-первых, искренни, во-вторых, объективно оценивают ее роль в создании специфической

библиотечно-библиографической системы АН СССР, в-третьих, не превеличивают и личных качеств.

Редкая, ключевая черта характера состояла в том, что она никогда и ни в чем не признавала дилетантизма, приблизительности, лености, халтуры, игнорирования норм. Никогда не бросала на полпути задуманную идею, начатое дело. Даже мытье горы посуды после ухода ночью гостей она, как бы ни устала, никогда не позволяла ни мне, ни себе перенести на завтра.

Ее сакраментальная основательность, верность делу, долгу, обещанию, дружбе покорили меня с первых дней знакомства. Я ими восхищался. Они были для меня эталонными, постепенно цементировали наши отношения, становясь частью совместного счастья. Проявлялись они буквально во всем. И в первую очередь в служебных делах. Одна из самых молодых заведующих отделами ФБОН никогда не была белоручкой, «вкалывала», будучи «играющим тренером», наравне со всеми сотрудницами, никогда ни на одну из них не кричала, но повода посачковать не давала, не боялась, как некоторые начальники, физического и пыльного труда, тем более это для комплектатора — норма. Руководя, можно сказать, основополагающим отделом, Клава спокойно, бесшумно решала множество принципиальных и организационно-методических проблем, в том числе касающихся рационализации процессов централизованного комплектования фондов специальных библиотек институтов АН СССР гуманитарного профиля, сокращения пути книги к читателю.

В ФБОН было немало докторов, кандидатов наук, но, когда у В.И. Шункова созрела идея укрепить ученый секретариат, он остановил свой выбор на профессиональном библиотекаре, на патриоте ФБОН К.П. Апексеевой. На этом посту она проработала с декабря 1953 по апрель 1976 года, и, по свидетельству многих сотрудников библиотеки и коллег из других научных центров. ФБОН не знала более компетентную, надежного и четкого ученого секретаря. О таких говорят: человек на своем месте! Клавдия Павловна внесла свежую струю, кажется, в тривиальный груд. Упорядочила документопоток (правительственные документы, постановления, распоряжения, письма, материалы Президиума АН СССР и других научных учреждений, стенограммы и протоколы заседаний ученого совета библиотеки и т.д.); организовала разработку, обсуждение и утверждение недостающих нормативных материалов о деятельности ФБОН и ее структурных звеньев; систематизировала всю документацию и на этой основе создала архив важнейших управленческих материалов, подготовила и издала соответствующий сборник (обложка для него была сделана по моему эскизу). Плодотворно и интересно действовала при ученом секретаре Апексеевой система повышения квалификации кадров ФБОН и библио-

тек ее сети.

Круг творческих устремлений Клавдии Павловны был необычайно широк, он выходил за рамки официальных служебных обязанностей ученого секретаря. Например, не специализируясь в библиографии, истории, она по заказу журналов подготовила ряд статей, потребовавших от нее разработки на конкретном опыте проблем организации библиографической деятельности ФБОН — ИНИОН, анализа роли этого учреждения в истории АН СССР¹.

И уж совсем, казалось бы, ученый секретарь не обязан был с таким энтузиазмом и самоотдачей рука об руку с директором И.А. Ходош заниматься труднейшими проблемами проектирования, технического оснащения, возведения здания на ул. Красикова, 28/45 (ныне Нахимовский просп., 51/21), активно участвовать в бесконечных дебатах с архитекторами по беспрецедентным аспектам организации и эстетики функционирования уникального здания уникальной библиотеки.

А сколько в бытность ученым секретарем было различных докладов, выступлений, богатых мыслью, наполненных конкретным содержанием, четко и темпераментно поданных. Клава продумывала и выстраивала каждый факт, вывод, каждую рекомендацию. Редко составляя текст, она обычно набрасывала только перечень вопросов, чтобы не отклоняться от логики выступления. Последнее ее выступление, уже пенсионерки, состоялось 23 декабря 1993 года по просьбе ведущего научного сотрудника ИНИОН, кандидата исторических наук Л.В. Юрченковой в цикле чтений, посвященных 75-летию Фундаментальной библиотеки ИНИОН. Аудитория тепло приняла доклад, но как Клаве и еще нескольким ветеранам в зале было горько сознавать, что дела, опыт, мировоззрение дорогой Фундаменталки слабо включены в современную научно-методическую и информационную систему страны.

В 50-е годы, уже пройдя школу фронта, уже став старожилом ФБОН, обрета признания коллег и прочное место под профессиональным солнцем, руководя одним из ведущих подразделений, будучи авторитетным членом парткома, отменно освоив методологию и технику работы старших сотрудников, впитав поучительные уроки требовательной фэбэоновской читательской среды, К.П. Алексеева поняла, что необходимы официальные бумаги, подтверждающие ее образовательный статус. Как говорится, без бумажки ты — букашка, а с бумажкой — человек. Она экстерном закончила десятилетку и поступила на заочное отделение МГБИ.

В те времена лозунг «учиться, учиться и учиться» еще был материальной силой. Его исповедовали всерьез, он еще не был опошлен. И товарищ Алексеева всю жизнь училась, подрывая здоровье, больное сердце. Учиться вечером после напряженного рабочего дня, недосыпать, домой возвращаться ночью — все это непросто. Но Клава стоически переносила труд-

ности, успешно справлялась и с учебной, и с распухающими производственными планами, и с общественно-партийными поручениями.

Как студентка, а в этом качестве я уже ее наблюдал, она была архипринципиальной. Не могла себе позволить «плавать» на экзаменах, стремилась к ответам «не мальчика, но мужа». Никогда не знала, что такое шпаргалка, подсказка. Не проштудировав весь материал, она не шла на экзамен.

Основательность, добротность, скромность — вот кредо ее общения в любой среде: официальной, с друзьями, в быту, в наших личных отношениях.

По мере сближения она все более пленяла и очаровывала меня гармоничностью своей натуры. Несмотря на трудные дни детства и юности, была стойкой и жизнелюбивой, здраво воспринимающей мир, отличалась благоразумием и прочностью позиций. Покоряла многими талантами не афишируемыми, как это свойственно многим женщинам, а, напротив, тонко скрываемыми.

От нее исходил внутренний покой, ощущалось присутствие невысказанной мысли, которую она не торопилась «выбалтывать». Ей вообще не свойственна была болтливость. Будучи потрясающе гордым человеком, она никогда не задирала нос и уж тем более не меняла круг друзей. Наиболее же принципиальной и стабильной чертой ее характера являлось чувство собственной достоинства.

Очень подкупал в общении с Клавой ее спонтанный юмор. Она частенько выдавала весьма забавные каламбуры. Например, заметив однажды вечером в гардеробе ФБОН, как один из ее пожилых сотрудников беспомощно пытается обнаружить выключатель, она сообщила ему: «Мальчик снизу зажигается» и под заразительный хохот сотрудника сама спокойно включила свет. А дело было в том, что светильники на мраморной лестнице были вмонтированы в фигурки амурчиков.

Тонкая, деликатная, сдержанная в общении с коллегами и друзьями, она принципиально строга и непримирима к погрешностям близких, прежде всего моим. Чуткая к фальши, к даже завуалированной лести, она всегда выполняла своеобразную миссию семейного барометра, незаметно наблюдала, контролировала и направляла мою служебную «ретивость», оберегала от этических ошибок и тем обеспечивала тыл, его этическую чистоту. Надо ли доказывать, как это важно, как это избавляет государственного чиновника от «проколов».

На своей шкуре мы испытали, как непросто укреплять брачные узы, если жена и муж служат одной профессии, общему делу, но работают в разных учреждениях. Они невольны, и не желая того, сами себя загоняют в угол, соперничают, утрачивают личную независимость, объективность в оценке творчества той библиотеки, в которой служат. Не избежали этого и

мы с Клавой. По просьбе товарищей из ФБОН она время от времени приносила какой-нибудь фэбэоновский труд мне на отзыв. Я это делал с предельным усердием и, как мне представлялось, научной объективностью и щепетильностью. Так, не предвидя исхода, я с легкостью необыкновенной согласился прорецензировать фундаментальный сборник «Научная библиография»². Задача не из легких, проблематика всеохватная. Авторский состав — сплошь корифеи (Д.Д. Иванов, Е.В. Бажанова, И.П. Доронин, С.А. Фейгина и др.). Я с ними давно был знаком, кое с кем вместе работал. И это усугубляло мои этико-нравственные муки, усиливало пикантность ситуации. Но коли взялся за гуж... Рукопись рецензии вручаю Клаве. В целом одобрив рецензию («Это хорошо! Это по-деловому!»), она тут же переключилась на этические мотивы. Не щадя, в хлестких выражениях обвинила меня не только в явных, но и мнимых грехах. Ей казалось, что я «выпендриваюсь», слишком строг, несправедлив. В академически сдержанной Клаве проявлялись вдруг обидчивость, язвительность. Она привела множество примеров, когда более зрелые, чем я, авторы отзывов проявляли себя интеллигентными, деликатными, а не «дубовыми» (любимое ею словцо) критиками. Тогда и впоследствии расхождения в оценке каких-то книг, статей, событий становились причиной не только размолвок, но и ссор.

В интересах мира в доме и с учетом индивидуальных черт наших характеров, которые сформировались задолго до встречи и в разных житейских обстоятельствах, приходилось смягчать свою критику, что-то принципиальное, близкое выбрасывать, находить более лояльную редакцию, идти на компромиссы.

За многие годы при разности характеров, привычек зародилось и вызрело семейное единение наших душ, в том числе в деловых вопросах.

В последние годы бурные диспуты стали нам просто вредны. Мы все болезненнее переживали их, а подчас, почувствовав сердечные боли от библиотековедческих споров, снимали их лекарствами, впадали в состояние молчаливого нейтралитета. Иногда он затягивался. И чего в подобной ситуации было больше? Стариковского чудачества или профессионального фанатизма? Успокоившись, проанализировав очередной конфликт, его содержание и причину, Клава обычно первой находила золотое сечение: «Ну, подумай своей головой, из-за чего мы спорим! Рассказать кому-нибудь, смеяться над нами будут!» — «А, быть может, подражать? Однако, еда ли», — отвечивал я.

Впрочем, отвергая мужское ячество, признаю, что с годами я почти безропотно научился полностью подчиняться Клаве во всем, ибо она всегда предлагала свое мудрое решение, фактически была в нашей семье образующим началом самых важных и нужных дел. Нацарапав очередную рукопись, я чутко вслушивался в логичные советы жены, в предлагаемые ею коррективы, легко преодолевая самолюбие, мысленно произнося:

«Спасибо тебе, жена, за твою непримиримость! За твои многообразные умения!»

Лучше всего ее знали и до последних дней чтили в двух коллективах — ФБОН и 10 ПАБр. Как, скажем, были трогательны праздничные весточки седых артиллеристов — ветеранов военной поры и их наследников — внуков и правнуков, полвека направлявших Клаве поздравления из части и подшефной школы в Сухиничах. А ведь воинскую часть она оставила еще в 1944-м, а из ФБОН (ИНИОН) ушла на пенсию в 1976 году, не выдержав бестактности нового начальства.

Всегдашней загадкой для меня, особенно в начале знакомства с Клавой, были ее абсолютная грамотность, афористичность и в речи, и в письме, начитанность, какая-то внутренняя природная духовность, врожденная интеллигентность. Все эти черты, казалось, были «вопреки». Во-первых, мама Клавы, вечно занятая на тяжелой больничной работе, не имела возможности уделять дочери достаточного внимания. К тому же, латышка по национальности, застрявшая в Москве после Первой мировой войны, Грета Ансовна далеко не в совершенстве овладела русским. Во-вторых, Клава, судя по ее рассказам, не была слишком уж прилежной ученицей, да и школу вынуждена была оставить после седьмого класса. А затем — работа учителем танцев, библиотекарем. В-третьих, разноликое пролетарское окружение большого коммунального дома предпочитало обходиться лишь самой деловой частью русского языка — матом.

К Клаве эта короста не прилипла. Ей посчастливилось. Она была любимицей нескольких старушек, проживавших в дореволюционном доме, который когда-то был богадельней. Вот эти старушки и формировали в значительной мере духовный облик девочки, пристрастили ее к книге, научили чистому русскому языку, привили благородство манер и мыслей. Чувство прекрасного было присуще ей от природы, но могло бы и заглохнуть, если бы не те старушки и ее собственное настойчивое желание само совершенствоваться, подпитываться чтением художественной литературы, книгами по искусству. Даже в свои последние годы, больная, лежа в постели, она прочитывала груды книг, пока позволяли глаза. Помимо других, нам удалось собрать довольно приличную коллекцию книг по искусству, особенно изобразительному, о театре, балете.

Чувство прекрасного, меры, гармонии Клава проявляла во всем, в том числе в великолепных образцах шитья, в кропотливых флористических картинах, украсивших нашу квартиру и квартиры друзей. Купив на свой страх и риск галстук, я обращался к ней: «Ну, как?» — «Ничего, но лучше надень другой!» Она знала, что с чем сочетается, что к чему идет. Эстетическая грамотность, тонкий вкус Клавы очень выручали меня.

Моя Клава была чертовски деликатна со всеми, терпелива даже в беседе с патологическими занудами. Демократична в общении, будь то

вахтер, уборщица или член ученого совета. Образец сдержанности, академического спокойствия, она благоразумно дозировала позитивные и критические высказывания, чтобы никого не обидеть, например на собрании, в диспуте. И мало кто знал или хотя бы догадывался, что Клавдия Павловна крайне ранима, эмоциональна. Обидное слово людей, особенно друзей, переживала чрезвычайно остро и долго. Во вред здоровью.

Клава умела отменно дружить, кое с кем десятилетиями, а с иными пожизненно. Объясняется это, видимо, тем, что она тонко разбиралась в людях, чувствовала, с кем стоит лишь вежливо обмениваться приветствиями. Если человек юлит, обманывает, надменен, неискренен, то это, считала она, горе-дружба и ее надо рвать. Став моей женой, Клава очень быстро нашла общий язык с моими родными и друзьями. А тех из них, в ком не увидела, не почувствовала своим сердцем искренности — не приняла, впрочем, не настаивая, чтобы и я порвал с ними. Отношения с такими попутчиками постепенно сами собой сошли на нет. Клава умела отменно, как букет цветов, подбирать друзей, компанию, застолье. Заранее решала, что, если будет в компании дама N, то не следует в этот раз приглашать ее антипода кавалера Z. Короче, дружба была для Клавы и наукой, и искусством, их законы и нормы незыблемыми. Проиллюстрирую этот тезис одной трагической историей.

В довоенный период у Клавы самыми закадычными, можно сказать родными, были, как она их называла мне, Нёмка и Галка. Когда приблизился самый черный день в истории битвы за Москву 16 октября 1941 года, друзья поклялись быть вместе, не оставлять друг друга. Клятва не выдержала испытания. Ее друзья, поддавшись всеобщей панике, девизу «спасайся, кто может», бросили Клаву, бежали. Отчаянию, горю, растерянности девушки, оставшейся с больной мамой, без средств, без продуктов, без дров, не было предела. Какая то была большая зарубка на ее больном с детства сердце. Но надо было жить, сопротивляться невзгодам, выхаживать больную маму, изыскивать пропитание, дрова...

А что же с теми друзьями? Они, вернувшись из эвакуации в Москву, попытались через несколько лет восстановить дружбу, но она уже не склеилась.

Я настойчиво учился у Клавы разбираться в людях, но так и не постиг секретов искусства селекции знакомых. Я вообще со школьной скамьи склонен молниеносно влюбляться в людей, обнаруживать в них признаки гениев, добряков, интересных собутыльников и вовремя не улавливать трещины во взаимоотношениях, признаки неискренности, интриги. В первые годы столичной жизни, да и позже, я на сибирский манер распахивал двери семейного очага перед всеми студентами, аспирантами, сослуживцами, знакомыми по детскому саду дочери, пока не понял, что делать это надо избирательно, ибо не все владеют азами этики, а подчас и элементарной порядочности. Увы, слишком уж часто мнимые друзья ме-

ня обманывали. В итоге — горько-кислое похмелье, разочарование, самоупреки в наивности, обещания самому себе поумнеть и повзрослеть. За годы жизни в Москве друзей в сибирском смысле слова я почти не обрел. Друг в Сибири — это все. Это человек, который предан тебе без расчета на компенсацию, на которого можно положиться. Большинство московских знакомых и приятелей оказались временными, сезонными, застольными. Исключение составили немногие. В их числе Нина Парадиева, Оля Алферова, Лева Гальперин, Ася Каржаневич, Лидия Исаевна Задерман, супруги Тамара и Сева Мейлицевы, Шура Санцевич. Дружба с ними, зародившаяся главным образом с конца 40-х — начала 60-х годов, дожила до нашего глубокого пенсионерства. Они составили на десятилетия ядро нашей семейной компании.

Не помню точно, когда это было. Думается, году в 1974— 1975-м. За нашим большим, шумным гостевым столом собралась традиционная компания, да кто-то из примкнувших новичков. Тогда еще все были в хорошей физической и умственной форме. Способны были на пяточке поотплясывать, пошутить, поострить и на лету не только воспринять подначку, но и тут же на нее остроумно отреагировать. Не умолкали мастера анекдота Тамара, Сева, Лева.

Когда настал черед поднять бокал мне и выдать спич, я начал: «Наша жена и мы...» Эта неожиданная для меня самого формула была с хохотом воспринята всей честной компанией. Но она стала незыблемым символом многочисленных встреч, теплого общения, дружбы, товарищества, уважения, душевной близости, взаимного доверия. Каждый член нашей компании уважительно, ласково, любовно употреблял ее и в шутку и всерьез, обращаясь к моей жене Клавдии Павловне, вплоть до роковой даты 19 декабря 2004 года — ее кончины. «Наша жена»...

Постоянным гостем нашего стола всегда была шутка. Даже не улыбочивым не было скучно. Первым, и по праву, был Евсей Мейлицев — незаурядная личность, поэт, остроумец. Поздравляя меня с официальной датой, Евсей в 1983 году нашел самый тонкий комплимент, адресованный одновременно нам двоим:

Теперь я умолчать не вправе о той, что мучась и любя,
 Всегда с тобою. Ты без Клавы,
 Почти, что Клава без тебя.
 Воздав тебе твое по праву,
 (Ты — юбиляр! Твой юбилей!)
 Я поднимаю тост... за Клаву!
 И в юбилей любовь главней.

Порой гости преподносили каверзы. Помнится из Улан-Удэ приехала сестра — отменная мастерица изготовления настоящих сибирских

пельменей. Мы пригласили небольшую компанию на омуль и пельмени. Поглощались они под «Столичную» молниеносно. Всем было хорошо и весело, нервничала лишь Клава: «Где Жарковы? Что случилось?» Телефона у них тогда не было.

Веселые, шумные, они появились только в половине пятого. Клава, выведя меня на кухню, донельзя огорченная, шепчет: «Принимай своих Жарковых сам!» Пришлось мне сварить новый бульон, всыпать пельмени, подать их Жарковым, улаживать Лидию Михайловну («Ой, моя печень! Борис, дай еще пельменей...»).

Сами мы никогда не опаздывали в гости. Когда же наступал момент «пьяному море по колено», Клава шептала: «Ты готовишься последним распрощаться с компанией?» Грешен... Выпивая, редкий мужик умеет вовремя поставить точку. Жены обычно в компании делают своим мужьям замечания, грозят нарушить застолье, уехать домой, если их благоверные не перестанут пить. Клава никогда на людях не делала мне замечаний. Никогда! А наедине, дома: «Надо думать».

Качества настоящей женщины позволяли ей, как это внешне выглядело, легко общаться в профессиональной среде. Однако не менее свободно, с достоинством ей доводилось общаться и с партийными, советскими руководителями, с учеными, с иностранцами, подчас спорить, отстаивать свои позиции, выигрывать бой. Скажем, во времена Шункова ей удавалось обеспечивать кворум заседаний ученого совета, а ведь в числе его членов были и очень занятые академики.

Однажды, по поводу моего 60-летия, мы с женой принимали гостей в одном из маленьких уютных ресторанчиков. Клава мгновенно нашла общий язык с начальниками управлений Министерства культуры России, зам. министра В.М. Стригановым, сидя за столом между ним и мною. После того, как компания покончила с полуофициальными юбилейными речами и общение обрело непринужденный характер, я в общем хоре уловил часть диалога моей жены с Василием Михайловичем. Он: «Ваш Борис — идеальный человек». Она: «Василий Михайлович, идеальных людей не существует на свете». Он, не унимаясь: «Клавдия Павловна, уверяю вас, я умею разбираться в людях...» и т.д. В домашнем разборе той встречи я спросил Клаву: «Нашла общий язык с моим шефом?» — «Да! Я убедила его».

Но пора, видимо, поведать о сложностях и муках, сопровождавших развитие нашего служебного романа. Обретая длительный характер, давая счастье нам двоим, он одновременно обрекал на муки и горе всех близких. Я никак не решался разрубить гордиев узел, уйти от первой семьи. Ни Сюзанна, ни кто-либо в ее семье не сделал мне ничего дурного. Никак не прокомментировали мои поздние возвращения, мои отсутствия в выходные дни под флагом работы над диссертацией в читальном зале.

Сюзанна втайне сознавала, что далее нам жить вместе не суждено. Она то замыкалась, то покупала для нас обоих билеты на труднодоступные спектакли, то развивала бурную хозяйственную деятельность, то без предупреждения приглашала гостей, обрекая меня на исполнение роли радушного хозяина дома. Но чаще брала на себя лишние ночные дежурства в ТАССе и появлялась в доме, когда я, уже собрав дочку, отводил в детский сад или школу.

Когда мы с Сюзанной оказывались вместе, то либо молчали, либо обменивались краткой информацией, обходя болезненную тему. Я углублялся в свои аспирантские дела. Сюзанну частично спасала лирика—и своя, и любимых поэтов — Блока, Тушновой и т.д.

В какой-то мере, понимая меня, она как бы оправдывала мой роман, цитируя А. Блока: «Только влюбленные имеют право на звание человека!» Но это не спасало от ревности, которая ее долго мучила. Не случайно в нашем семейном блокноте, начатом Сюзанной еще в 1945-м, нет-нет да появлялись нотки отчаянной грусти по прошлому, по несбывшемуся, поэтизация попыток сохранить ушедшее, вернуть его:

Даже зная, что мы чужие,
 Что пути у нас не одни,
 Я присутствием Вашим согрета
 И, как праздник, проходят дни!

Но в других стихах, словно протрезвев и опустившись на грешную землю, успокаивает себя:

Неправда, это не любовь,
 А лишь желание влюбиться,
 О ком-то думать и томиться,
 К кому-то новому стремиться —
 Неправда, — это не любовь!

Удачлив тот мужчина, которому удается в жизни не менять жен, а главное, не оставлять свое родное дитя. Развод родителей для ребенка — удар. Иногда непоправимый, предательский. Прежде чем очередным вечером отправиться не свидание, я старался искупать дочушу, неумело заплести косички, уложить в постель, «учитать» сказками Пушкина и братьев Гримм, усыпить бездарным исполнением колыбельных. Но дитя росло, начинало многое понимать. И однажды с дочкой случилось что-то схожее с истерикой. Встав в кроватке, она все быстрее и громче, обливаясь слезами, принялась повторять одну и ту же душераздирающую мольбу: «Папочка! Не уходи. Останься с нами. Если тебе нужна Клава, пусть она живет в нашем доме!»

Кризисную ситуацию в тот момент разрядила — спасибо ей — Сюзанна. Подсев к кроватке, приласкав дочь, она сказала ей: «Побеседуем как женщина с женщиной...», мне же подала знак выйти из ком-

наты. Убаюкав Наташу, Сюзанна сказала мне: «Поезжай в новый дом. Втроем нам лучше не видаться, а с дочерью не порывай. Ты ей нужен!»

Оставив дом Сюзанны, поначалу я приезжал к дочери два раза в неделю. Она спокойно провожала меня до Трубной, пока забияки-одноклассники не стали ее дразнить тем, что какой-то старый мужик обнимает и целует («Папа, не целуй меня на Трубной!»).

Наташа, моя единственная и любимая дочь, была узловым элементом всего комплекса проблем, препятствовавших нам с Клавой воссоединиться. А Клава испытывала нормальное, естественное желание любой женщины: быть женой, а не подругой.

Вина моя перед двумя семьями была беспредельной. Но с ее преодолением я надолго застопорился. Развод для меня оказался непреодолимым препятствием: ведь смена жен, уход от ребенка — не смена лошадей на переправе. Муки — не физические — психологические, нравственные. Их ничем не утишить.

Клава была великолепным рассказчиком. Ее историй хватило не только на наш служебный роман, но и на всю супружескую жизнь. Живыми, многоцветными были рассказы о ее первых увлечениях, лесозаготовках в дни войны, где она была душой, совестью оравы голодных, измученных девчат из ФБОН и ГБЛ, только ей доверявших дележку хлеба, руководство лесоповалом, быть запевалой на марше. А с каким интересом я слушал рассказы Клавы о двух ее фронтовых годах. В те 40—50-е годы и в литературе, и устных преданиях царила еще сусально-патриотичная тональность в освещении военной жизни. Еще не пришли в стране к главному и единственно справедливому выводу — у войны не женское лицо! Рассказы Клавы еще больше утвердили меня в мысли, что не должны женщины воевать. Война для них противоестественна, не адекватна их психологии, мускульным возможностям, физиологии, застенчивости, стыдливости. От Клавы я узнал о множестве жутких, противных женской натуре подробностей с потрясающей конкретикой. На фронте она серьезно заболела. Когда, вернувшись из Польши в Москву, пересекла порог родного дома, мама ее не узнала: «Вы кто?» Вечно слабое в России социальное ведомство не позаботилось о ее лечении. Восстановлению здоровья способствовали колоссальная воля Клавы, энергия, да безграничные любовь и заботы мамы.

Бывали у нас длительные свидания в Прибалтике, в Подмоскowie, на Украине. Прихватив узелок со снедью, уходили, например, на веслах по рекам Сейм и Рехта далеко от чудесного Путивля. В такие дни мы устраивали себе яркий праздник, наполненный счастьем, беззаботностью, ленью. При этом нет-нет да и просыпались в нас духовные интересы, велись разнообразные и подчас горячие, шумные беседы, переходящие в спор. Резались, обыгрывая партнеров, в карты, домино, пинг-понг, во-

лейбол. Случалось, танцевали. Вообще, мы очень много и самозабвенно в жизни танцевали. Ведь танец, особенно танго и вальс, — символ интимности и любви.

Черт догадал меня прихватить с собой в Путивль рукопись реферата будущей диссертации. Несусветная глупость! Верх брали лодка, гребля, солнце, походы на базар. Кстати. Парадокс цен!

Походив по Путивлю, чтобы найти жилище, мы сняли целый дом, уплатив хозяйке за месяц 100 рублей, а по соседству хозяину за безраздельное пользование его лодкой — смейтесь — три рубля! Эксплуатировали мы ее каждый день в любую погоду нещадно. Иногда даже катали парочку московских аспирантов, неожиданно нарушивших нашу уединенную жизнь.

Очень трудно было отдыхать вместе где-нибудь в доме отдыха. Жилье врозь, общение с администрацией врозь. Только лыжня, лес, пляж, танцы давали возможность пообщаться, побыть вдвоем. Как-то в одном из домов отдыха, когда мы изображали из себя независимых и случайно затесавшихся в толпу отдыхающих, объединенных интересным и остроумным затейником, проводившим конкурс на знание пословиц и поговорок (одна женщина выкрикнула около семидесяти), молча и безучастно стоявшая рядом со мной Клава, неожиданно громогласно под дружный хохот выдала себя с головой: «Любовь зла, полюбишь и козла!» Реклама оказалась безупречной. На танцах, на лыжне, в бане, на прогулках до конца отдыха можно было слышать остряков: «А вот и козел», «Что это она позволила своему козлу гулять в одиночку?» и т.д. и т.п.

Под старость активный вид отдыха мы заменили чудесными путешествиями на теплоходе. Сколько увидели, узнали благодаря прогулкам по улицам всех больших и малых городов и селений, расположенных вдоль Волги, Оки, Белой, Кубани, прочесывая музеи и картинные галереи. Могли ли мы мечтать выбраться, например в Таганрог, Нижний Новгород, Саратов, чтобы обозреть места, где жили и творили А.П. Чехов, А.М. Горький, Н.Г. Чернышевский. Так что бытующее мнение о пассивности путешествия на теплоходе можно признать справедливым только условно.

Клава, безусловно, — обладатель редкой доброй души. Жажда справедливости всегда в ней была лейтмотивом ее жизненного кредо. Перед ней я всегда был в неоплатном долгу, ибо меня она впустила в свое умное сердце не одного, а со всеми моими проблемами, муками и дорогой мне дочерью, став для нее заботливой наставницей, эталоном нравственной чистоты. В свою очередь и Наташа еще дошкольницей восприняла Клаву как непререкаемый авторитет во всем, постепенно, хотя и не без труда, постигла своеобразие ее высоких требований, оценок, вкусовых пристрастий.

Ни я, ни кто-то на стороне и уж тем более ни сама Клава не называли и не зачисляли ее в матери Наташи. Но Клава так тактично, ум-

но, тонко сумела найти какую-то только ей присущую роль, что по существу заняла в сердце девочки свое особое место близкой и родной старшей женщины. Никогда не изменяя маме, Наташа полюбила Клаву и по сей день, уже достигнув, увы, пенсионного возраста, продолжает любить, уважать, отделять ее облик от облика всех других старших женщин.

Достигла Клава такого положения не какими-то нравоучениями, душевными беседами. Нет, по этой части Клава всегда была строга, суховата, бескомпромиссна. Ее отношения с Наташей — итог конкретных проявлений цельной личности, бесчисленных талантов, умений незаурядной работающей женщины. Клаве была подвластна любая работа, она могла выполнить все, за что бы ни бралась. От собственноручного ремонта квартиры и электропроводки в молодости до многообразного интеллектуального и эстетического труда в зрелые годы. Наташа с детсадовской поры исподволь училась у нее трудиться, вести дом, общаться с окружающими людьми, друзьями, высказывать свои оценки многослойного житейского бытия, общественных, политических, эстетических событий.

Сказанное отнюдь не значит, что Наташа восприняла весь Клавин духовный и бытовой мир. Нет и нет. Более того, она многие из привлекательных Клавиных талантов никак не переняла. Скажем, не научилась у нее кройке и шитью. Но подходы к жизненным явлениям, жизненное кредо, нравственно-этические эталоны она усвоила на всю жизнь. Благодаря Клаве она усвоила, что женщине надлежит быть доброй, заботливой.

Правда, через поколение природа взяла свое. Моя внучка Люся, пользуясь журналами мод, готовыми выкройками, консультациями Клавы, а главное, обладая чувством линии, овладела искусством шитья. Теперь шьет не только на себя, а с февраля 2002 года и на моего правнука Павлушу.

Как бы обобщая характер взаимоотношений, вызревавших десятилетиями между Клавой и дочерью, я имею право утверждать, что они удались. И тем не менее, в радостные, интимные мгновения, когда нам с Клавой вдвоем бывало особенно уютно, в подсознании всплывал облик дочери, меня начинала мучить совесть. Я покинул ее в те годы, когда она формировалась как человек, как женщина.

Уже много лет спустя, когда мы прочно жили с Клавой вместе, она, случайно услышав мой диалог с дочерью по телефону, заметила: «Ну, что ты таким заискивающим, виноватым тоном беседуешь?» Вот и на склоне лет я не избавился от чувства вины, хотя Сюзанна и Наташа давно меня простили. А на свадьбе Наташи состоялось знаковое знакомство моих жен, переросшее с годами в их дружеские отношения, в согласованную помощь внучке Люсе.

Что касается моей чудесной дочки, то она, познав, что такое мужья и современные мужчины вообще, всерьез мне ныне говорит: «Ты, папа, — реликт!»

* * *

Клава была правоверным коммунистом. Свято верила партии, вступив в ее ряды на фронте, а не по каким-то карьерным соображениям. Симптоматично, что она пользовалась широким и искренним уважением и коммунистов, и беспартийных, администрации, специалистов, технического персонала. К ней тянулись.

До кризиса партии в 1956 году в связи с докладом Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, до ее нравственного развала в 80-е и разгрома в 90-е годы в ней было немало членов большевистской святости, людей, искренне веривших партийным догмам, так называемому демократическому централизму. Веривших в образ, созданный Евгением Урбанским в фильме «Коммунист», в другие красивые мифы. К этой категории честных, душевно красивых людей, вне всякого сомнения, принадлежали Клава и ее мама. Но вот злой парадокс! Они, равно как и миллионы советских патриотов, были роковой жертвой своей святой веры в сталинизм, обожания дряхлого и злого, преступного вождя. Именно он чуть-чуть не положил конец нашему длительному роману, нашей выстраданной близости.

Началось все прозаично. Воскресным вечером 18 января 1953 года Клава попросила меня достать из почтового ящика «Правду». Выполнив поручение, я тут же громко начал читать передовую «Покончить с ротозейством в наших рядах!». Поняв, что в стране полно ротозеев, что ослабла партийная и государственная дисциплина, беспрепятственно повсюду орудуют вредители, иностранные шпионы, и дремавшая на диванчике Грета Ансовна, и особенно Клава, разволновались. Мне же стало ясно, что вновь, в который раз включена мясорубка репрессий, полетят головы простых людей. Все было очень серьезно. Это нынешнему поколению те годы представляются далекими, почти мифическими. Но в нашей стариковской памяти они живы, словно все было только вчера. Никто тогда не мог чувствовать себя исключением, не причастным к происходящему. В январе 1953 года очередь дошла до медиков. И оставалось только гадать, кто из них попадет в беду на этот раз.

Уверив Грету Ансовну и Клаву заключительной фразой передовой о том, что под мудрым водительством товарища Сталина «нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки!», я на мгновение умолк, ибо к тем годам уже овладел искусством не открывать рот, молчать, когда речь касалась Сталина, до тех пор, пока не вспомню или не вычитаю официальную фразу, прославляющую отца народов. И вдруг у меня спонтанно, автоматически вырвалось: «Вранье! Очередная ложь генералиссимуса!»

Сказал и осекся... Осекся, поняв, какую бестактность я допустил по

отношению к двум женщинам, чтившим товарища Сталина. Молниеносно понял и другое: я подверг их опасности, ибо анекдоты, непочтительные слова о вожде, так называемое дононительство были в те времена жестоко наказуемыми. Очень коротко и внятно объяснила мне Клава, что я не имею права судить и осуждать действия партии: кто я такой, чтобы позволить себе это?

Ситуация патовая. Я, хотя и сгоряча, высказал злую крамолу, а Клава по тем временам обязана была о ней информировать соответствующие инстанции, чтобы ее не обвинили в дононительстве. Это ныне, при так называемой «свободе слова», можно запросто все говорить, никак не отвечая даже за личные несправедливые наскоки, за дезинформацию и т.п.

Я сообразил, что лучше мне, виноватому в повышенной эмоциональности момента, помолчать, не углублять пропасть между нашими с Клавой позициями, подождать, пока все само по себе рассосется без нашего участия. Так и случилось.

В дни жутких и кровавых похорон Сталина, на которые Клава была направлена в качестве руководителя делегации ФБОН, она увидела, пережила и поняла многое. Казенное отношение наследников вождя в организации прощания с ним говорило о многом. Кто так бездарно руководил милицией и военными, если даже на оцепленной Красной площади не было порядка, царили давка, неразбериха? Много лет Клаву преследовали воспоминания о грузовике, кузов которого был наполнен потерянными в толпе галошами.

После тех похорон прославлять Сталина, а тем более защищать его, наказывать за непочтительность к нему стало некому. В обстановке дележа портфелей, руководящих постов в верхах воцарилась атмосфера заботы о себе, а не о крамольных гражданах. Настала пора всеобщего ожидания: а что будет?! И в этой обстановке ожидания, назревавших социально-политических перемен наш политический диспут, наша ссора с Клавой утратили всякий смысл. Мы к ним больше никогда не возвращались.

Буквально через месяц после жутких похорон Сталина 6 апреля 1953 года была опубликована передовая в «Правде», в которой власти фарисейски каялись перед своим народом за жертвы террора, за обман, сообщали, что не было никаких врачей-отравителей, называли кое-какие имена жертв и их палачей, обязали исполнителей восстановить советскую социалистическую законность, объявляли ее неприкосновенной. В передовой говорилось: «В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу профессора и врачи были арестованы... неправильно, без каких-либо законных оснований... арестованные профессора и врачи полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях и из-под стражи освобождены».

А в 1956 году, после доклада Хрущева на XX съезде партии, в кото-

ром разоблачались преступления Сталина, Клава окончательно избавилась от иллюзий относительно «великого вождя».

Для нас же с Клавой тот исторический рубеж ознаменовался принципиально значимым событием в личной жизни, положившим конец зыбкому и сложному служебному роману и открывшим эру нашего узаконенного супружества, нашего совместного бытия. Я перебрался в уютную 13-метровую комнатушку Клавы и ее мамы. Многие в коллективе ФБОН, если не сказать все, Клаву поздравляли, желали ей доброго союза. Своеобразно, широко, красиво это сделал В.И. Шунков. Когда Клава после ЗАГСа пришла на работу, то обнаружила свой рабочий стол усыпанным чудесными розами. Воспоминания о таком знаке внимания директора всегда грели душу жены!

Яркие первоначальные впечатления о моей блондинке никогда не потускнели. Она их подтверждала и приумножала на всех этапах служебного романа и нашей полувековой супружеской жизни. Как же мне теперь ее недостает. Как же нескончаем диалог, который я веду с ней постоянно, особенно по ночам в осиротевшем доме.

Книгу *Бориса Николаевича Бачалдина*
«Фрагменты памяти»

можно заказать в издательстве «Пажков Дом»
 Российской государственной библиотеки.
 Адрес: 119019 Москва, ул. Воздвиженка, д3/5,
 тел./факс: (495) 202-59-53
 e-mail: pashkov_dom@rsl.ru

Уважаемые коллеги!

Доводим до Вашего сведения, что подписка на журнал «Молодые в библиотечном деле» **осуществляется через редакцию.**

Стоимость редакционной подписки одного номера - **180 руб.**

Полугодовая подписка (6 номеров) стоит - **1080 руб.** - с учетом доставки по России

Если Вам необходимо получить счет, счет-фактуру отправляйте заявку с Вашими реквизитами по:

Е-mail: **print2000@yandex.ru; info@bookovka.ru**

факсу: **+7 (495) 626-86-11; +7 (495) 678-4281**

почте: **Москва, 125 047, а/я 20 ООО «Издательский дом «Один из лучших»**,

Телефон для справок: **8-905-598-5071**

Реквизиты для оформления подписки на журнал «Молодые в библиотечном деле»:

Наименование предприятия: **ООО «Издательский Дом «Один из лучших»**

Юридический адрес: **107005, г. Москва, ул. Бауманская, д. 11 , стр. 1**

Почтовый адрес: **125047, г. Москва, А/Я 20**

ИНН / КПП **7701304578 / 770101001**

Расчетный счет **40702810300010001083**

Наименование банка **В ОАО «Банк Москвы» г. Москва**

Кор/счет **30101810500000000219**

БИК **044525219**

Генеральный директор **Сергей Анатольевич Пичуричкин**

Кроме редакционной подписки Вы можете **заказать журнал «Молодые в библиотечном деле» в следующих подписных агентствах:**

ООО «АльтПресса» тел. 783-29-60, 974-30-79

Артос - ГАЛ тел. 981-03-24

Интер Почта тел. 684-55-34

Информсистема тел. 127-91-47

МК-Периодика тел. 684-50-08

Комкур тел. (843) 291-09-82/94

Мир прессы тел. 787-34-15, 787-63-62

